SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- М. М. Филиппов
  -
  - Предисловие
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Заключение
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

М. М. Филиппов
Ян Гус
Его жизнь и реформаторская деятельность
Биографический очерк
С портретом Яна Гуса, гравированным в С.-Петербурге К. Адтом, и другими иллюстрациями

Предисловие

Среди религиозных реформаторов Гус занимает особое место. Лютеранские писатели считают его прямым предшественником Лютера; православные богословы признают Гуса почти православным; даже среди католических авторов находится немало таких, которые относятся к Гусу с величайшим уважением: достаточно сказать, что о героизме Гуса пишет с величайшею похвалою папа Пий II, известный в литературе под именем Энея Сильвия.

Очевидно, что во всех суждениях о Гусе главную роль играет не его учение, а его жизнь и еще более его героическая смерть. И это вполне справедливо.

Учение Гуса имело огромное значение для своего времени, но не в нем заключается главная причина обаяния его личности. Нравственное мужество, стойкость в защите своих убеждений – вот в чем следует видеть значение Гуса, которое надолго переживет оставленные им фолианты.

Считать Гуса, как это делают иные историки, последователем какой-либо односторонней философской, религиозной или даже узконационалистической доктрины – значит не понимать ни его личности, ни той роли, которую он сыграл в истории. Широкая терпимость, требование безусловной свободы мысли и убеждения, требование полного согласования учения с жизнью, слова с делом – вот что характеризует Гуса и отличает его от многих религиозных, социальных и национальных реформаторов. Спор о том, было ли учение Гуса возвращением к преданиям восточной церкви или же предвестием протестантизма, мы считаем не только нерешенным, но и совершенно праздным.

Несомненно, что Гус глубоко изучал и уважал многих восточных богословов, как изучал и чтил английского философа и богослова Виклифа. Но, во-первых, при всех заимствованиях у Гуса есть столько своего собственного, что считать его только учеником или предшественником других деятелей – значит умалять значение его личности; во-вторых, жизнь Гуса важнее всех написанных им книг. А эта жизнь и особенно ее мученический конец сближают Гуса не с восточными и западными богословами, а скорее ставят его в один разряд с такими деятелями и мучениками идеи, как Сократ и Джордано Бруно.

Глава I

Детство и юность Гуса.– Пребывание в Пражском университете.– Взгляд на отношения духовенства к светской власти.– Ян Непомук.– Борьба партий

Ян Гус, или, как его называли раньше, Ян из Гусинца, родился в местечке Гусинец, находящемся у Богемского, или Чешского, леса, в незначительном расстоянии от баварской границы.

Не только день, но и год рождения Гуса не определен с полной достоверностью. День шестого июля, нередко называемый как дата рождения Гуса, на самом деле есть дата его смерти. Гуситы избрали это число для чествования памяти Гуса, и так как смерть у них считалась новым духовным рождением, то отсюда и вышла путаница в числах у некоторых историков. Год рождения Гуса попросту вычисляют, зная год его вступления в университет; но при этом забывают, что в XIV и XV веке на университетских скамьях и в низших классах рядом с мальчиками часто сидели бородатые юноши. Как бы то ни было, принято считать, что Гус родился в 1369 году. Сведения о детстве и отрочестве Гуса довольно скудны. Настоящее имя его – Ян из Гусинца – еще школьными товарищами было сокращено в Гус, а Гус по-чешски то же, что по-русски гусь. Весьма возможно, что товарищи дразнили Гуса этим прозвищем, не подозревая, разумеется, что оно войдет в историю.

Местечко Гусинец, где родился Гус, населено исключительно чехами, но находится почти у самой этнографической границы, отделяющей чехов от немцев. Родители Гуса были крестьяне, и семья его, видимо, была из незажиточных. Впоследствии, в эпоху наивысшей славы, Гус никогда не забывал, что вышел из простонародья. Он навсегда сохранил особое сочувствие к людям простым, невежественным и убогим. В самое тяжелое время своей жизни, когда католическая иерархия предала его проклятию, Гус писал сочинения, в которых протестовал против феодального насилия и крепостного права.

О родителях Гуса мы почти ничего не знаем, исключая то, что у них, кроме Яна, было еще несколько сыновей. В очень раннем возрасте Гус был послан в Прагу учиться. В Праге он жил, как и все тогдашние небогатые школьники, добывая себе пропитание пением и прислуживанием в храмах. Об этом времени жизни Гуса в его сочинениях сохранились лишь отрывочные замечания. В одном месте Гус пишет: “Когда я был голодным мальчуганом, я делал из хлеба ложечки, которыми ел горох до тех пор, пока,

наконец, не съедал и ложки". Очень рано стал Гус помышлять о том, чтобы сделаться священником: вероятно, с этой целью он и был отдан родителями в ученье. По словам Гуса, первоначально с мыслью о священстве у него соединялось лишь понятие о хорошем достатке.

По окончании низших школ Гус записался в Пражский университет на факультет "свободных искусств" (по-чешски – "свободных умений"), почти соответствовавший тому, что немцы называют философским факультетом, с тем, однако, различием, что он был необходимой подготовительной ступенью к трем высшим факультетам. В университете Гус, по его собственным словам, не уклонялся ни от чего, участвуя и во всем важном, и во всем легкомысленном. Впрочем, легкомыслие Гуса ограничивалось самыми невинными забавами.

Нравы его были строги, любовь к труду – необычайная, но он любил хорошую одежду и беседу в приятельском кругу. Видимо, Гус был еще очень молод, когда приобрел степень бакалавра свободных искусств; но профессора не признали в нем особенно блестящих способностей, и в экзаменационных списках он находится в числе "средних". Впрочем, о многих из своих профессоров Гус упоминает с большим уважением и признательностью. Одного он называет "ясным оратором", другого – "прекрасным проповедником, подобным трубному гласу".

Достоверно известно, что степень бакалавра свободных искусств была получена Гусом в 1393 году. В следующем году он приобрел степень бакалавра богословия; еще два года спустя, в 1396 году, он был уже магистром свободных искусств. Далее этого Гус не пошел. Он не добивался степени доктора богословия и на всю жизнь остался магистром или, по-чешски, мистром Яном Гусом, – имя, под которым его чтили гуситы.

В одном из своих писем, написанных перед отъездом на Констанцский собор, Гус, между прочим, в самых трогательных выражениях вспоминает о своей юности, советуя ученику своему не следовать "дурному примеру", и перечисляет при этом свои юношеские прегрешения. "Не прельщайся, – пишет Гус, – роскошью", и говорит, как его тешило пышное магистерское одеяние, так называемые "табарды" – крылатая суконная одежда, капюшон и белые воротники, какие тогда носили магистры и доктора. Упоминает Гус и о том, что он не чуждался пиров, устраиваемых в складчину магистрами, и был страстным шахматным игроком. "Игра эта, – говорит он, – часто доводила меня до вспышек гнева".

Среди университетских товарищей Гус пользовался

значительным уважением. Через два года после приобретения степени магистра Гус был избран “чешской нацией”, то есть чешской корпорацией Пражского университета, экзаменатором на степень бакалавра. Вскоре после этого он стал священником (около 1400 года), затем был избран деканом факультета.

Около этого времени в образе жизни Гуса произошла значительная перемена. Под влиянием чтения книг – сочинений Виклефа и других авторов, а также вследствие убеждения в высоком значении священнического призвания Гус из веселого товарища становится почти аскетом.

Во время пребывания на студенческой скамье Гус был еще далек от каких-либо реформаторских планов и даже разделял многие грубые суеверия своего времени. Год приобретения им первой ученой степени бакалавра как раз совпал с так называемым юбилейным (по-чешски – милостивым) годом города Праги (1393). Один проповедник произнес по этому случаю на Вышеграде поучение, в котором перечислял милости, дарованные верным сынам церкви римским престолом. Эта проповедь произвела на Гуса такое сильное впечатление, что он, в числе других бакалавров, участвовал в предписанной процессии, – подобно другим исповедовался на Вышеграде и даже отдал исповеднику последние бывшие у него четыре гроша, лишь бы купить прощение грехов. “В этот день, – говорит впоследствии Гус, – я купил индульгенции, но зато мне пришлось потом остаться на одном сухом хлебе”. Впрочем, эта исповедь на Вышеграде была последним резким проявлением предрассудков, усвоенных Гусом от окружающей среды.

Впоследствии Гус с проповеднической кафедры публично осуждал свое прежнее суеверие как необычайную глупость. “Когда я был еще очень молод и духом и разумом, – писал он в одном из своих сочинений, – я был суеверен; но, познав Писание, я понял свое прежнее безумие”.

Вскоре по окончании университетского курса Гуса стали мучить различные сомнения. Он уже успел ознакомиться с сочинениями некоторых чешских писателей, имевших довольно разумные взгляды на положение католической церкви, таких, например, как Матвей из Янова и Штитный; Гус был уже знаком с некоторыми философскими (но не с богословскими) сочинениями Виклефа. Но решительное влияние на развитие убеждений Гуса имело занятие им кафедры проповедника в так называемой Вифлеемской часовне. По поводу основания этой кафедры необходимо сказать несколько слов об общем положении церкви в тогдашних чешских землях.

Годы пребывания Гуса в университете были для чешского

народа годами бурных церковно-политических событий. С одной стороны, шла упорная борьба между чешским королем Вацлавом и немецкими князьями; с другой, – королевская власть вступила в решительное столкновение с властолюбием духовенства... Король Вацлав был в постоянной ссоре с пражским архиепископом, одним из самых типичных прелатов своего времени. Этот архипастырь начал свою деятельность с усердного посещения пиров и балов, на которых отличался как один из лучших танцоров; он был также страстным охотником. Однажды архиепископ тяжело заболел, и после выздоровления вдруг превратился в отчаянного ханжу. Королю Вацлаву совсем не пришлась по вкусу такая перемена, так как “обратившийся на путь истины” архиепископ стал высокомерен и перессорился не только с придворными, но и почти со всем высшим чешским духовенством.

Однажды король вздумал собственной властью учредить новую епархию. Архиепископ воспротивился этому и послал своего викария Яна из Помука утвердить избрание одного аббата в епархии, отнятой у него королем. Король поскакал в Прагу и в припадке гнева велел немедленно арестовать архиепископа, викария и других прелатов. Архиепископ бежал, но его подчиненных стали истязать. Король собственноручно избил архиепископского официала “до крови”, но, испугавшись своего поступка, отпустил его, велев никому не говорить о побоях; однако викарий Ян из Помука был так избит королевскими слугами, что сочли более удобным совсем от него отделаться. Его связали по рукам и ногам и в десять часов вечера бросили в мутные воды реки Влтавы.

Мы сообщили этот эпизод не только для того, чтобы характеризовать отношения между светской и духовной властью, но и по той причине, что имя Яна из Помука иногда встречается с именем Гуса. Дело в том, что позднее иезуиты канонизировали этого викария под именем святого Яна Непомука и старались противопоставить память этого прелата, ничем, впрочем, не заметного, памяти Гуса. Непомука превратили в патрона чешского королевства; конфискованные у гуситов портреты Гуса стали называть изображениями св. Непомука; в самом Гусинце, на родине Гуса, поставили статую Непомука, чтобы “выкурить сам источник ереси”. Наконец была придумана легенда, что и Непомук пострадал не за сопротивление королевским приказаниям, а из-за убеждения: он будто бы не хотел выдать тайну исповеди. Эта басня перешла даже во многие учебники истории; не мешает поэтому заметить, что жители Праги, узнав об утоплении Непомука, нимало не были огорчены этим и даже

оправдывали короля – за исключением весьма немногих сторонников духовенства.

Для характеристики развития взглядов Гуса весьма важно ознакомиться с тем, как он отнесся к этой распре между королем и духовенством. Впоследствии, в числе обвинений, направленных против Гуса, находилось и то, что он, будучи во время утопления Яна из Помука уже бакалавром, не выступил с публичным порицанием действий короля. Гус протестовал против обвинения в сочувствии королю в этом случае, но в то же время сознался, что он не раз открыто осуждал образ действий архиепископа и его подчиненных.

Еще не прекратилась распря короля с архиепископом, когда против Вацлава поднялась новая буря. Как раз в то время, когда Гус стал священником (1400), король был низложен немецкими курфюрстами, избравшими Римским императором палатина Роберта, или Рупрехта Пфальцского. Вспыхнула война. Чешский народ был на стороне своего короля, большинство епископов приняло сторону курфюрстов, которых поддерживало также утвердившееся в чешских городах, и даже в самой Праге, немецкое бюргерство. Даже в числе магистров Пражского университета находились многие, которые высказывались в пользу немецкого претендента. Борьба окончилась, однако, победой Вацлава, и положение немецкой партии в чешском университете стало весьма щекотливым. Чтобы сколько-нибудь усилиться, немецкие профессора примкнули к чешской консервативной, или клерикальной, партии.

Борьба в университете происходила, главным образом, на почве богословской и схоластической.

Тем не менее, король отлично понимал политическую подоплеку этих споров и живо интересовался ими, принимая постоянно сторону тех, кто так или иначе критиковал действия духовенства.

Между тем, в самом народе с разных сторон возникла оппозиция духовенству. Даже среди священников были такие, которые, оглядываясь по сторонам, называли папские индульгенции глупым обманом. Уже совсем громко раздавалось требование пражских граждан, чтобы проповеди произносились не только отдельно по-латыни и по-немецки, но и по-чешски. Это требование как самое настоятельное внушило мысль об основании Вифлеемской часовни, вскоре после того прославленной именем Гуса.

Первая мысль об устройстве часовни исключительно для произнесения чешских проповедей принадлежала богатому пражскому купцу Кржижу. Король не только разрешил открытие

часовни, но и добился архиепископского согласия. Против чешских проповедей восстали немецкие магистры и каноники, но им не удалось добиться закрытия часовни, в которой вскоре появились весьма красноречивые проповедники. Ни один из них, однако, не пользовался и десятой долей того значения, которое придала этой часовне проповедь Гуса.

Еще раньше Гус успел подготовиться к роли народного проповедника. Он основательно изучил Матвея из Янова, обыкновенно называемого парижским магистром, и развил на этом чтении свой ораторский вкус. Гус имел уже случай проповедовать в церкви св. Михаила, где в то же время проповедовал монах Бернард, рьяный защитник римского престола и “величайший враг слова Божия”, как называет его Гус. Политические и религиозные убеждения Гуса успели сложиться вполне и он имел не один случай высказать их публично. Так, однажды в доме пражского мещанина Вацлава Чеширжа зашел горячий спор об утоплении Яна из Помука и о борьбе короля с прелатами. Один из споривших сказал, что грех короля может быть очищен только многими богослужениями. Гус горячо оспаривал это мнение, причем, однако, порицал поведение высшего духовенства. У этого самого мещанина Гус часто встречался с упомянутым купцом Кржижем, основателем Вифлеемской часовни. Несомненно, что личному знакомству с Кржижем Гус более всего был обязан тем, что был назначен проповедником в часовню. В жизни Гуса началась новая эпоха.

Глава II

Влияние Виклифа на Гуса. – Первые годы проповедничества. – Осуждение пражскими богословами учения Виклифа. – Новый архиепископ Збынек. – Борьба Гуса с народными суевериями и осуждение им мнимых чудес. – Гус как чешский народный писатель: реформа правописания и слова

Было время, когда почти всю деятельность Гуса приписывали влиянию английского философа и богослова Виклифа. Даже глава чешской исторической школы, Палацкий, сначала поддерживал этот взгляд, установившийся еще с XV века, когда враги Гуса старались выставить его прямым учеником английского “еретика”[1].

Учение Виклифа известно. Сначала этот богослов и философ схоластической “реалистической” школы выступал только против чрезмерных притязаний Рима; мало-помалу полемика увлекла его и он стал порицать и критиковать само учение римской церкви. В 1382 году в Лондоне был созван собор, на котором обсуждались 24 положения, извлеченные из сочинений Виклифа. Собор признал эти тезисы частью еретическими, частью ошибочными; тем не менее, Виклиф никогда не был серьезно преследуем и спокойно умер в 1385 году, то есть за 15 лет до вступления Гуса на проповедническое поприще.

Без всякого сомнения, некоторые из философских сочинений Виклифа были довольно распространены в Праге, куда их занесли студенты, ездившие в Оксфорд слушать английских профессоров. В XIV и XV веках сношения между университетами были довольно оживленны, чему много способствовало существование общего научного языка – латыни, которая тогда еще не была мертвечиной, какою стала в наше время. До изобретения и распространения книгопечатания личное посещение чужеземных университетов было одним из главных способов умножения знаний: даже профессора прибегали к этому способу. В конце XIV века оживлению сношений между Чешским королевством и Англией способствовал брак дочери Карла IV с английским королем Ричардом II. Все это факты, говорящие в пользу английского влияния на Гуса. Отвергать основательно знакомства Гуса с книгами Виклифа нельзя; но возникает вопрос: когда и какие сочинения Виклифа стали известны Гусу? Теперь можно считать доказанным, что с богословской критикой Виклифа Гус ознакомился основательно уже после того, как начал свою проповедническую деятельность в Вифлеемской часовне, то есть когда его собственные убеждения успели сложиться почти

окончательно. Значительно раньше Гус ознакомился лишь с философскими трактатами Виклифа[2].

Как философ, Виклиф был одним из самых горячих сторонников схоластического реализма, приписывавшего реальное существование отвлеченным понятиям; с этим учением боролись так называемые номиналисты, придававшие отвлеченным идеям значение лишь символов и знаков. Философские взгляды Виклифа встретили в Пражском университете довольно хороший прием; его положения часто были принимаемы в основу лекций даже самыми рьяными католиками. Гус, еще до начала своего проповедничества, собственноручно переписывал некоторые трактаты Виклифа. Одна такая рукопись (1398 г.) хранится в Стокгольмской библиотеке, куда ее завезли шведы после взятия ими Праги во время тридцатилетней войны. На полях этой рукописи Гус сделал от себя некоторые примечания, из которых видно его глубокое уважение к автору. Некоторые положения Виклифа еще как будто пугали Гуса. В одном месте он приписал: “Пусть Господь даст Виклифу царствие небесное! О Виклиф, Виклиф! не одному человеку ты вскружишь голову!”

Один позднейший таборитский писатель – табориты, как известно, были последователями Гуса, – утверждает, что сам Гус однажды сказал: “Книги Виклифа открыли мне глаза, и я читал их и перечитывал”. Слов этих нельзя принимать буквально. Одной из главных черт характера Гуса были постоянные поиски истины, и он никому, в том числе и Виклифу, не верил на слово, не убедившись собственным разумом, самостоятельным мышлением, в справедливости того или иного положения. Гус тотчас же отказывался от осознанного заблуждения; но если он был в чем-либо убежден, для него не существовало авторитетов. Поэтому и в учении Виклифа он принимал далеко не все, а то, что принял, вполне согласовалось с убеждениями, выработанными Гусом самостоятельно. Так, например, отношение Гуса к папской власти было, прежде всего, вызвано сознательным отношением к окружавшей его действительности. В одной из ранних своих проповедей Гус уже смело высказывается против притязаний Рима и сознается, что грубо заблуждался, считая папу непогрешимым. “Впрочем, – говорит Гус, – я и самого себя считал очень хорошим человеком, пока не ознакомился основательно с Писанием”.

Легко понять значение подобных проповедей для тогдашней Праги. Почва для восприятия их была готова в самом народе. Но эпоха вполне критического отношения Гуса к католицизму наступила не сразу: сначала он заботился преимущественно о

внутреннем самоусовершенствовании, о перевоспитании своей личности; затем выступил против пороков духовенства, но еще с надеждой, что церковь последует его собственному примеру и очистится собственными силами. Лишь в самые последние годы жизни Гус с прискорбием убедился, что его надежды были напрасны.

В самом начале своего проповедничества Гус приобрел такую популярность, что, несмотря на молодые лета, был избран (по тогдашним правилам – на одно полугодие) – ректором Пражского университета. Большинство чешских профессоров, все тогдашние знаменитости, были приятелями Гуса, например, бывший его учитель Станислав из Цнойма. Немецкие профессора, принадлежавшие, большей частью, к школе номиналистов, сложили следующую сатирическую родословную Гуса: “Станислав из Цнойма родил Петра из Цнойма; Петр из Цнойма родил Степана из Пальча; Степан из Пальча родил Яна Гуса”. Все перечисленные здесь имена принадлежат магистрам, бывшим в то время в самых приятельских отношениях с Гусом.

Спор между реализмом и номинализмом, хотя и играл некоторую роль в истории Пражского университета и в жизни Гуса, все же не значил так много, как полемика, возгоревшаяся в Праге около 1403 года из-за богословского учения Виклифа. Эти препирательства, впрочем, были возбуждены не Гусом и не он оказался самым рьяным бойцом за Виклифа. Богословские трактаты Виклифа были впервые распространены в Праге приехавшим из Оксфорда близким другом Гуса, Иеронимом Пражским. Почин в деле преследования “английской ереси” был сделан немецкими профессорами, действовавшими, без всякого сомнения, как по своему крайнему разумению, так и по внушению пражского архиепископа.

С самого дня своего основания Пражский университет не был чисто чешским национальным учреждением. Он служил главным умственным центром не только для чехов, но и для немцев. Основанный Карлом IV, Пражский университет имел в конце XIV и начале XV века лишь двух равных соперников – университеты Парижский и Оксфордский.

Личный состав университета – как профессора, так и студенты – разделялись на четыре нации: чешскую, польскую, баварскую и саксонскую. Эпохой наивысшего процветания Пражского университета были семидесятые и восьмидесятые годы XIV столетия, когда в нем числилось до 11 тысяч студентов. С 1363 по 1392 год были, правда, основаны университеты: Краковский, Венский, Гейдельбергский, Кельнский и Эрфуртский, но все они, по сравнению с Пражским, имели значение лишь

провинциальных центров. С 1367 по 1408 год Пражский университет выдал, по одному факультету свободных искусств, 844 магистерских диплома и 3823 диплома на бакалавра. Организация университета была такова, что обеспечивала полное господство немецкой партии. Хотя все четыре “нации” имели равные права, но в сущности три из них были немецкие, так как в польскую нацию записывались главным образом силезские немцы.

При всей своей терпимости и миролюбии Гус нередко выступал против чрезмерных притязаний немецких профессоров. Что Гус не был враждебен немцам, доказывается самим избранием его в ректоры, чего нельзя было достичь против воли немецкого большинства; но он нередко говорил, что в чешском королевстве чехи должны занимать такие же места, как французы во Франции и немцы в Германии.

Высшее пражское духовенство взяло в университетском вопросе, как и в политических распрях, сторону немецкой партии и даже тайно подстрекало немцев против чехов. В 1403 году после Гуса ректором был избран баварец Вальтер Геррасер. Один немецкий магистр, Гюбнер, явился в роли зачинщика новой университетской распри. Как полагают, по поручению самого архиепископа, Гюбнер рассмотрел недавно перед тем появившиеся в Праге богословские трактаты Виклифа, извлек из них 21 положение, к которым присоединил 24 пункта, осужденные лондонским собором, и все это препроводил в архиепископский капитул. Официал Кбель и пражский каноник Нос отправили эти 45 пунктов ректору Геррасеру, а этот последний немедленно созвал совет из всех пражских докторов и магистров.

Заседание, на котором обсуждался вопрос о тезисах Виклифа, было весьма бурным. Главным защитником тезисов оказались бывший учитель Гуса, Станислав из Цнойма, и приятель Гуса, Степан из Пальча. Один из чешских магистров, Николай из Литомышля, закричал Гюбнеру: “Ты извлек эти положения неправедным, лживым, клеветническим способом!” Гус, в свою очередь, сказал: “Такие подделыватели книг, по моему мнению, более виновны, чем те два торговца, которых несколько дней тому назад сожгли на площади за подделку шафрана”. Но нашлись магистры, возражавшие Гюбнеру прямо по существу дела. Степан из Пальча бросил на стол экземпляр книги Виклифа и воскликнул: “Пусть, кто хочет – встанет и скажет что-либо против единого слова в этой книге: я берусь защищать”. Еще резче говорил Станислав из Цнойма: “Я берусь, – сказал он, – доказать, что из этих 45 тезисов ни одного нельзя назвать ни

еретическим, ни ложным". Это заявление до того скандализировало собрание, что некоторые из старших профессоров вышли из зала. Оставшиеся значительным большинством голосов постановили: воспретить как публичное, так и частное преподавание 45 тезисов, – решение, впоследствии игравшее важную роль в судьбе Гуса.

На первых порах осуждение 45 тезисов Виклифа нимало не поколебало положения Гуса ни в университете, ни на проповеднической кафедре. Популярность Гуса постоянно возрастала и, между прочим, увеличению ее способствовали многие пражские женщины, которые настолько увлекались проповедями Гуса, что нарочно селились близ Вифлеемской часовни. На них-то и намекает Гус в одной из своих проповедей, говоря, что некоторые женщины умнее и добрее отстаивают истину, нежели иные доктора богословия. Следует заметить, что Гус вообще был весьма застенчив и робок с женщинами; робость эта иногда доходила до подозрительности; но, убедившись в том, что он имеет дело с женщиной скромной и одушевленной высшими нравственными побуждениями, Гус тотчас изменял свое обращение и относился к таким женщинам просто и по-братски. В то время многие чешские дворянки отличались набожностью, доходившей до аскетического отречения от мира. Не вступая в монастыри, где жизнь часто вовсе не согласовывалась с монашеским обетом, эти дворянки проводили время в молитве и посте. Среди них попадались личности, в высшей степени восторженные и как раз пригодные для распространения новых учений. Такова была, например, Анешка из Штитного, дочь писателя Томаша, проводившая время то в составлении списков с сочинений покойного отца, то в посещении Вифлеемской часовни. В той же местности жила одна девица Петра, о которой Гус говорит, что она вела вполне святую жизнь. Такова же была вдова Катерина Каплержова, устроившая нечто вроде вдовьего и девичьего приюта в своем доме. Это появление женщин, не удовлетворявшихся официальными монастырями, в которых видели более соблазна, чем благочестия, в высшей степени характеризует тогдашние церковные порядки и является еще одним доказательством необходимости реформы, которую проповедовал Гус. Положение Гуса, казалось, стало еще более прочным, когда пражским архиепископом был назначен еще не старый прелат Збынек. Новый архиепископ очень мало понимал в богословских делах, но был храбрым воином и не терпел ханжей и суеверов. Мечом он владел гораздо искуснее, чем крестом, и о нем говорили, что он сел за азбуку лишь тогда, когда был назначен архиепископом. На самом деле он получил обычное

светское воспитание тогдашних чешских феодалов. “In doctrina sancta nullus (в богословии ничего не смыслит”), – пишет о нем современный летописец, в остальном осыпающий архиепископа похвалами. Новый архиепископ отнесся к Гусу с доверием. Он назначил Гуса и его приятеля Станислава из Цнойма “синодальными проповедниками” – обязанность весьма важная, состоявшая в произнесении наставлений духовенству. Архиепископ написал, кроме того, Гусу, чтобы он докладывал ему лично или письменно о всех замеченных злоупотреблениях.

В роли синодального проповедника Гус мог действовать еще смелее прежнего. К этому времени слава его так возросла, что даже враги Гуса отзывались о нем с уважением. Он вел жизнь аскета. Изнуряя себя постами и бессонными ночами, Гус становился неузнаваем. Его бледное, исхудалое лицо, украшенное бородою, которой Гус не брил, по обычаю многих западнославянских католических священников, его задумчивые глаза, как бы занятые внутренним созерцанием, поражали зрителей еще прежде, чем раздавался его голос. Один из личных врагов Гуса пишет о нем: “Жизнь его была сурова, поведение безупречно, бескорыстие такое, что он никогда ничего не брал за требы и не принимал никаких даров и приношений”. Красноречие Гуса было своеобразно. Он не поражал сразу слушателей, речь его не была ни пылкою, ни блестящею, но оставляла глубокое и прочное впечатление. На слушателей действовала, главным образом, сила и искренность его убеждения. “Он был неутомим, – пишет о Гусе один чешский писатель, – он постоянно утешал, проповедовал и писал”. В проповедях Гус не щадил и духовных лиц; он не останавливался и перед порицанием своего покровителя – архиепископа.

Обличения Гуса были суровы и беспощадны. Он говорил о высокомерии духовенства, о погоне за иерархическими повышениями, о корыстолюбии и жадности. В своих синодальных проповедях Гус не касался католической догмы, но обличения нажили ему гораздо больше врагов, чем если бы он произносил самые еретические мнения. Щадя догму, Гус проповедовал главным образом необходимость согласования веры с делами. “Напрасно думают, – говорил Гус в одной из проповедей, – что легче заслужить прощение грехов, сооружая храмы, чем если помогаешь бедным”. Во всех проповедях Гуса учение о деятельной помощи ближнему всегда занимает первое место. Некоторые его выражения чрезвычайно смелы для того времени. “Лучше – говорил он, – употребить грош на божье дело при жизни, чем оставить священникам, по духовному завещанию, столько золота, чтобы им можно было заполнить все пространство между небом и

землею". Ведя аскетическую жизнь, Гус вовсе не указывал другим на физическое воздержание, как на существенное средство спасения души. "Лучше, – говорит он, – снести без гнева одну обиду, чем изломать на своей спине столько прутьев, сколько может доставить целый лес". "Лучше унизиться перед низшим себя, нежели совершить богомолье с одного края земли до другого". Гус резко порицал духовных лиц, злоупотреблявших правом отлучения, и советовал им сначала отлучить самих себя от грехов и пороков. Задолго до Лютера он громил продавцов индульгенций и хищных монахов, "которые, с дозволением или без дозволения, устраивают никому неизвестные празднества, выдумывают чудеса, грабят бедный народ и разрушают Христову церковь". Советуя духовенству обратиться к примерам первых веков христианства, Гус, однако, нисколько не идеализировал официального византийского благочестия; еще менее идеализировал он папскую власть. "Христос, – говорит Гус, – запретил своим ученикам всякую мирскую власть; но слова его были забыты с тех пор, как император Константин дал папе царство... Богатство отравило и испортило церковь. Откуда войны, отлучения, ссоры между папами и епископами? Собаки грызутся из-за кости. Отнимите кость – и мир будет восстановлен... Откуда подкуп, симония, откуда наглость духовных лиц, откуда прелюбодеяния? Все от этого яда".

Народ, давно подготовленный к таким речам, с восторгом слушал Гуса; духовенство еще не смело идти против влияния архиепископа, многих феодалов и самого двора. Королева София явно покровительствовала Гусу и назначила его своим капелланом и исповедником.

Не менее смело и энергично действовал Гус, искореняя народные суеверия. Он понимал, что корыстолюбивое духовенство и невежественный народ – это два элемента, постоянно идущие рука об руку. В этом случае Гуса поддерживал также архиепископ, не веривший ни в какие чудеса.

До сведения архиепископа дошло, между прочим, что в маленьком городишке Вильснак, подле Виттенберга, находится будто бы необычайная драгоценность, а именно живая кровь Христова, – разумеется, чудотворная и исцеляющая больных. Народ стремился тысячами в этот городок, не только из Северной, Германии, но и из всей Средней Европы. Пражские монахи также поддерживали славу Вильснака, возвратившиеся богомольцы рассказывали о чудесах. Архиепископ Збынек решил, наконец, исследовать вопрос и назначил комиссию из трех магистров. Одним из них был Гус. Исследование показало, что все так называемые чудеса были обманом легковерных людей. Об

одном хромом мальчике говорили, что он получил чудесное исцеление: оказалось, что у него нога болит хуже прежнего. Один пражский житель, явившись на богомолье в Вильснак, пожертвовал в храм серебряную руку, надеясь исцелить свою, пораженную параличом. Не получив исцеления, он нарочно остался еще на несколько дней. Стоя в храме, он увидел, что на кафедру взошел священник, который, показывая народу серебряную руку, стал торжественно рассказывать об исцелении. Тут больной не выдержал и закричал: “Поп, зачем лжешь! у меня рука такая же, как и была!” В таком роде оказались и прочие чудеса. Результатом этого исследования, произведенного, главным образом, Гусом, было издание архиепископского повеления, чтобы раз в месяц в каждом приходе произносилась проповедь против путешествия на богомолье в Вильснак. Сверх того, архиепископ поручил Гусу написать ученый трактат по этому предмету. Гус написал сочинение, в котором доказывал, что ни одна капля крови Христа не может теперь где-либо находиться. Рассуждая о крови Христовой, Гусу поневоле пришлось коснуться католического учения об евхаристии. Критика Гуса в этом случае не идет вразрез с католической догмой, но и не сходится с ней. Гус доказывает, что в таинстве причащения следует допускать только “невидимое” присутствие крови и плоти. Что касается чудес вообще, Гус высказывается об этом весьма прямо. “Требование чудес, – говорит он, – есть доказательство маловерия. Истинному христианину не надо ни знамений, ни чудес... Если бы священники твердо держались Евангелия, они предпочли бы говорить народу об учении Христа, вместо того чтобы рассказывать о мнимых чудесах”.

Коснувшись первых сочинений Гуса, необходимо сказать несколько слов о собственно литературном их значении. Хотя историческая роль Гуса основана более на его жизни, чем на его книгах, но как писатель Гус смело может быть сопоставлен с Лютером. То, что Лютер сделал для немецкой речи, сделано Гусом для чешского языка. Его чешские сочинения освободили литературную чешскую речь от условной ходульной риторики и сблизили ее с народным языком. Слог Гуса чист и ясен и вполне соответствует ясности его мыслей. Стремясь к правдивости и простоте во всем, Гус обнаружил эти качества даже в своей реформе чешского правописания. Прежние сложные и неуклюжие сочетания согласных он заменил так называемыми диакритическими знаками, обозначающими шипящие звуки, например, ш, ч, ж. С небольшими изменениями правописание Гуса удержалось в чешской литературе до сих пор; подобное же правописание принято теперь всеми западными славянами (чехи,

словаки, лужичане), кроме поляков, и теми из южных (хорваты, словенцы), которые пишут латинскими буквами. В последнее время даже в польской литературе были попытки усвоить правописание Гуса.

Глава III

Недовольство архиепископа.– Отставка Гуса.– Дело священника Николая.– События в Риме.– Спор короля Вацлава с архиепископом Збынеком.– Борьба между немецкими и чешскими магистрами.– Аудиенция Гуса у короля на Кутной Горе.– Роль Гуса в университетском вопросе.– Исход немецких профессоров и магистров из Праги

Было уже сказано, что, обращая преимущественное внимание на нравственную сторону религии, Гус мало занимался догматическими тонкостями. Придраться к одной резкости его обличений было нелегко. Несколько иначе писали и говорили многие из ближайших друзей Гуса, и особенно его бывший профессор Станислав из Цнойма. Станислав был человек далеко не безупречного характера, но отличался тонким критическим умом и усердно читал сочинения Виклифа. Особенно занимался Станислав вопросом об евхаристии и написал трактат, в котором уже прямо отстаивал учение Виклифа, отрицая теорию “пресуществления” и утверждая, что хлеб и вино всегда остаются хлебом и вином.

Враги Гуса и его партии воспользовались сочинением Станислава для составления доноса, который был отправлен в Рим. Папа Иннокентий VII счел необходимым прислать архиепископу Збынеку особую буллу, в которой обращал его внимание на “виклефовы ереси” (1405 г.). Но архиепископ так мало интересовался богословскими вопросами, что ему и в голову не приходило относить эту буллу к Гусу и его друзьям. Наконец его навел на эту мысль священник Штекна, товарищ и соперник Гуса по проповедничеству в Вифлеемской часовне, написавший донос на книгу Станислава. На этот раз архиепископ потребовал Станислава для объяснений. Не желая навлечь на себя неприятностей, Станислав попросту отрекся от авторства и с тех пор стал писать в самом правоверном духе. Чтобы покончить с этим делом, архиепископ велел объявить народу, что в таинстве евхаристии “не остается сущности хлеба, но лишь истинная плоть Христова, не остается сущности вина, но лишь истинная кровь Христова”. До этих пор Гус, вообще не любивший догматических споров, молчал. Теперь он не выдержал и заявил архиепископу, что его объявление противоречит учению церкви уже потому, что, согласно с прямым смыслом писания, хлеб олицетворяет собою единовременно и плоть и кровь, а не одну только плоть, и вино представляет собою и кровь, и плоть. Это противоречие тем более разгневало архиепископа, что, по его собственному сознанию, он

сам не знал, кто прав и кто виноват в этом споре. Конечно, он не изменил своего решения и объявил еретиком всякого, кто осмелился учить иначе, чем приказано.

Между тем новый папа Григорий XII подтвердил буллу Иннокентия VII, и это побудило архиепископа к еще более крутым мерам. Пока Гус пользовался доверием архиепископа, ему удавалось своим заступничеством спасать многих лиц, обвиненных в ереси. Но на этот раз все обстоятельства сложились неблагоприятно. Сам король Вацлав был задет за живое словами папской буллы, содержавшими намек на то, что он, король, защищает еретиков. Что касается архиепископа, он весьма скоро вошел во вкус религиозного преследования. Одного магистра, Матвея из Книна, обвинили и заставили отречься от ереси, не дав ему сказать ни слова в оправдание: когда он пытался возразить, архиепископ закричал на него, угрожая пыткой. Вскоре после этого архиепископ собрал сходку “чешской нации”, на которой участвовали 74 магистра, 150 бакалавров и более тысячи студентов. Присутствовал и Гус. Архиепископ добивался торжественного осуждения учения Виклифа, но на сходке было просто постановлено: “Не толковать учения Виклифа в еретическом смысле”.

Усердие архиепископа в деле гонений на еретиков довело Гуса до полного разрыва с этим прелатом. В 1408 году был осужден священник Николай, по прозвищу Авраам, который учил, что право проповедовать Евангелие принадлежит не только священникам, но и любому мирянину. Архиепископ велел изгнать этого Авраама из пражской епархии. Гус присутствовал на следствии по делу Авраама, все время защищал обвиняемого; о приговоре он узнал как раз в тот момент, когда выходил на кафедру. Гус тут же написал несколько строк архиепископу. Почтительно-резкий тон этой записки вывел из себя самолюбивого архиепископа. Особенно задело Збынека утверждение Гуса, что архиепископ преследует самых набожных и ревностных священников и в то же время все спускает с рук наглым и распутным.

С досады архиепископ вздумал нанести партии Гуса решительный удар. Он не удовольствовался решением, произнесенным “чешской нацией” относительно учения Виклифа, и повелел, чтобы все, у кого есть книги английского еретика, немедленно выдали их для сожжения. Вместе с тем архиепископ запретил произносить проповеди, содержащие какие бы то ни было нападки на духовенство. Это распоряжение уже прямо касалось Гуса. Несколько погодя архиепископ отставил Гуса от должности синодального проповедника.

Жалобы и доносы, послужившие ближайшим поводом к отставке Гуса, доказывают, как велико было раздражение духовенства, вызванное его обличениями. “У нас, – писали доносчики, – раздаются возмутительные проповеди, которые терзают души набожных людей, уничтожают веру и делают духовенство ненавистным народу”. Крайне раздражило духовных лиц утверждение Гуса, что священник, требующий денег за совершение таинств, особенно от бедных, виновен в “симонии и ереси”. Возмущались и тем, что Гус по поводу смерти одного каноника сказал: “Я не хотел бы умереть, имея такие доходы”. Замечательно, что ни в одном доносе на Гуса не указывали как на последователя Виклифа.

Разрыв между архиепископом и Гусом был уже полный, когда наступили события, еще более затруднившие положение Гуса. Великий раскол в римско-католической церкви, приведший к образованию двух церквей, с двумя папами, из которых один оставался в Риме, а другой сидел в Авиньоне, – этот раскол грозил превратиться в бесконечный источник ссор и интриг. В течение 10 лет вопрос не подвинулся ни на шаг. Римский папа Григорий XII при самом своем избрании обязался отречься, если авиньонский папа Бенедикт последует его примеру. Но последний и не думал об отречении, а потому и Григорий предпочел ждать. Бесконечные ссоры между папами надоели кардиналам, те решились отделаться от обоих и созвали в Пизе собор. Для успеха дела кардиналы просили всех католических монархов, и в особенности Римского императора, поддержать их, то есть либо отказать в повиновении обоим папам, либо, по крайней мере, соблюсти впредь до решения собора полный нейтралитет.

Вацлав IV, помимо желания приписать себе честь восстановления единства католической церкви, не мог простить Григорию XII того, что этот папа признал мятежного Рупрехта Пфальцского Римским императором. Военное счастье давно повернуло в сторону Вацлава, но он хотел еще, чтобы новый папа торжественно подтвердил его права на Римскую корону. Не желая, чтобы чешское королевство казалось сколько-нибудь подозрительным в глазах католического мира, Вацлав не был доволен излишним усердием архиепископа в гонениях на еретиков. Сначала он сам содействовал искоренению ересей, но наконец решил, что сделанного довольно. Он приказал архиепископу объявить всенародно, что в чешских землях, после самого строгого расследования, более не осталось ни одного еретика. Архиепископ скрепя сердце сообщил королевское повеление синоду, но при этом велел, чтобы проповедники внушали народу правильное понятие о таинстве евхаристии.

Уничтожив ересь одним росчерком пера, Вацлав возобновил переговоры с кардиналами и обещал им прислать в Пизу торжественное посольство.

Известие о таком решении короля было весьма приятно для Гуса: Гус все еще не терял надежды на возможность внутренней реформы католицизма. Он и его сторонники надеялись, что с низложением Григория XII выиграет также чешское национальное дело – у всех были свежи в памяти опустошения, которым подверглись чешские земли во время восстания Рупрехта.

Когда король Вацлав потребовал от архиепископа и от университета отказаться от папы Григория, Прага разделилась на два враждебных лагеря. Меньшинство – немецкие профессора и купцы вместе с чешским высшим духовенством – стояло за Григория. Огромное большинство было за короля. В университете три немецкие “нации” были за папу и только одна чешская высказалась за нейтралитет. На этот раз Гус выступил уже в роли настоящего политического вождя чешского народа, и несомненно, что борьба, затеянная им против папы Григория, стала одной из главных причин враждебного отношения к нему всего высшего духовенства. На бурном заседании, созванном ректором Пражского университета, все чешские профессора высказались за нейтралитет. Архиепископ решил действовать круто: он велел прибить к дверям церквей объявления на латинском и чешском языках, в которых Гус как вождь чешской партии был объявлен непокорным сыном церкви, вследствие чего над ним была произнесена *суспензия*, то есть Гусу было воспрещено отправлять какие бы то ни было священнические обязанности. Письмо Гуса к архиепископу не имело никакого результата, между тем в университете готовились еще более крупные события.

Борьба между чехами и немцами в университете обострилась до последней степени. Появились памфлеты, в которых чехи доказывали, что три немецкие “нации” совершенно подавляют чешскую. Сравнивали Пражский университет с Парижским, где господствовали французы. Наконец решились обратиться к самому королю Вацлаву, имевшему причины гневаться на немцев.

Чешские профессора знали, что король недоволен ими за их вольнодумство. Поэтому они решили послать к королю людей, стоявших вне всякого подозрения. Депутатами были избраны два правоверных католика; но они сами просили Гуса присоединиться к ним. Гус охотно согласился. Требования чехов были умеренны: они добивались лишь равного с немцами количества голосов, то есть трех против трех.

Король находился в это время в Кутногоре. К нему уже успели явиться депутации от трех немецких “наций”, прося

сохранения своих привилегий и выставляя Гуса бунтовщиком. Не в добрый час явилась чешская депутация к королю, вообще страдавшему причудами и часто действовавшему под влиянием винных паров. Король принял депутатов сурово и закричал на Гуса: “Ты и твой приятель Иероним – главные бунтовщики! Смотрите, если у вас не будет порядка, я велю вас сжечь!” Депутаты ушли ни с чем.

На Гуса эта злополучная аудиенция повлияла удручающе. Возвратившись в Прагу, он заболел и слег в постель. К немалому удивлению как чехов, так и немцев, король вскоре совершенно изменил свои взгляды. Гус лежал больной; к нему пришли его спутники по депутации и печально глядели на него.

– Не правда ли, – сказал Гус, – мы имеем полное право на три голоса?

– Никогда нам не удастся, – возразили гости.

– Уже удалось, – сказал им Гус, – вот список с королевского письма, только что полученного в университете.

Гости не верили своим глазам, но, когда прочли, стали поздравлять друг друга и Гуса.

– Я почти при смерти, – сказал Гус слабым голосом. – Если я выздоровлю, прошу об одном: работайте во имя правды и для счастья нашего отечества.

Королевский декрет дал чехам даже более того, чего они домогались. Было объявлено, что немцы коварным образом присвоили себе, под видом трех наций, три голоса. По словам декрета, чехи в своей земле должны иметь большинство, и им дано было три голоса, а немцам только один, тогда как сами чехи требовали лишь равенства голосов.

Такое королевское решение, вызванное влиянием некоторых вельмож и подсказанное прибывшим к Вацлаву французским посольством, разумеется, не могло не обидеть привыкших к господству немцев. Немецкие профессора и студенты ответили королю внушительной демонстрацией. Созвав сходку, они поклялись оставить университет, если королевский декрет не будет отменен.

Немцы рассчитывали на поддержку чешских купцов, связанных с ними материальными интересами, но ошиблись в расчете. Низшее чешское духовенство также встало на сторону короля. В церквах называли короля с кафедры спасителем отечества. Сам Гус был увлечен течением и, оправившись от болезни, похвалил с кафедры королевский декрет. Враги преувеличивали каждое его слово и уверяли, будто он сказал: “Слава Богу, что нам удалось выгнать немцев”. Слова эти, однако, приписаны Гусу человеком, который был его врагом и вообще

отличался лживостью показаний.

Король вскоре сам убедился, что впал в новую крайность. Он предложил немцам полное равенство с чехами, но немцы требовали восстановления всех своих привилегий. Раздраженный этим король прислал одного из своих придворных, который прогнал ректора, отобрал у него печать и ключи и назначил кого хотел. Немецкие профессора шумно протестовали. 16 мая 1409 года профессора и студенты всех трех немецких наций исполнили свою клятву. Они оставили Прагу, двинулись по улицам чешской столицы огромной процессией, кто пешком, кто верхом, кто в повозке. Не менее 5 тысяч студентов ушло в этот день из Праги: большая часть их двинулась в Лейпциг, где был основан новый немецкий университет.

Событие это имело огромное влияние на историю умственного развития как чехов, так и немцев; но мы здесь укажем лишь на его отношение к жизни и к характеристике Гуса. Несомненно, что в этой национальной борьбе Гус действовал не как слепой фанатик, а как добросовестный защитник справедливых притязаний чехов. Когда впоследствии пражское духовенство стало клеветать на Гуса, что он своими проповедями возбуждал ссоры между чехами и немцами, Гус решительно отвергал это обвинение и произнес знаменитые слова: “Правда, немцы и враждебные нам чехи подавали повод к распрям; но доброго немца я предпочитаю злому чеху, хотя бы этот последний был моим родным братом”.

Замечательно, что Гус дозволяет себе иногда резкие выражения против немецкой партии в своих латинских трактатах; но в сочинениях, написанных по-чешски, стало быть, доступных народной массе, нет ни слова против немцев, если не считать двух-трех мест, где он рассказывает, как немцы, в союзе с некоторыми чехами, хотели разрушить Вифлеемскую часовню в то время, когда он в ней проповедовал. “Не слепая вражда к немцам, – пишет о Гусе немецкий историк Лехлер, – но интересы университета и благо родины, как он его понимал, руководили действиями Гуса”.

Глава IV

Новый папа. – Жалобы гуситов на архиепископа. – Протест Гуса против сожжения книг. – Анафема Гусу и его смелые проповеди. – Папа Иоанн XXIII. – Диспут Гуса о крестовом походе. – Речь Иеронима Пражского. – Сожжение папских булл Воксою. – Казнь Яна, Мартына и Сташека. – Богословский факультет против Гуса. – "Пятящиеся" (cancrisantes). – Добровольное изгнание Гуса

Избранный Пизанским собором папа Александр V оказался не лучше своих соперников. Архиепископ Збынек отказывался признать нового папу и подверг интердикту весь город Прагу. Гус и его друзья резко осуждали действия архиепископа. Народ волновался, и уже были случаи насилия над преданными архиепископу людьми. Вскоре архиепископ признал папу и, уладив свои дела с Римом, опять стал преследовать Гуса и его партию. Появились новые доносчики, утверждавшие, что Гус проповедует еретические учения о священническом сане. Гусу приписывали слова, что священник, совершивший смертный грех – уже не священник, и таинства, им совершенные, – не таинства. Пока архиепископ не совсем еще уладил свои дела с Римом, гнев его не мог быть особенно опасен для гуситов, и они даже делали попытки искать заступничества Рима. Пятеро молодых людей отказались выдать посланным архиепископа книги Виклифа и даже отправились к папе с жалобою. Папа потребовал Збынека в Рим для объяснений. Архиепископ отправил вместо себя двух монахов, которые так повлияли на папу, что Александр V велел учредить следственную комиссию и издал буллу, которою была воспрещена проповедь где бы то ни было, кроме приходских и монастырских часовен. Сверх того, папа заранее воспрещал всякие прошения и жалобы, противные его булле. Несмотря на это положительное запрещение, Гус решился апеллировать, пользуясь тогдашней юридической казуистикой, дозволявшей апелляцию к "лучше осведомленному папе" на того же папу, получившего ложные донесения.

В ожидании ответа папы Гус продолжал борьбу с архиепископом и провел в университете резолюцию, которою был осужден архиепископский декрет о сожжении книг Виклифа. Сверх того, Гус объявил, что произнесет проповедь по поводу папской буллы. Огромная толпа народа собралась слушать эту проповедь. Прочитав буллу Александра V, Гус сказал:

– А я, я объявляю – и благодарю Бога, что могу сказать это – объявляю, что в Чешском королевстве нет ни одного еретика. Все

эти обвинения сущая ложь!

– Ложь! Ложь! – подхватили тысячи голосов.

Тогда Гус стал говорить уже прямо о неправильности действий папы и даже сравнил их с действиями “антихриста”, сказав:

– Папа исполняет пророчества, преследуя Евангелие и христианскую веру. Я апеллировал на архиепископские декреты; я хочу снова апеллировать. Поддержите ли вы меня?

– Да, да, – раздались голоса, – мы тебя поддержим!

25 июня того же 1410 года в Вифлеемской часовне было прочитано воззвание, подписанное Гусом, а также многими магистрами, бакалаврами, студентами, даже рыцарями и горожанами.

“Разумно ли, – говорится в этом воззвании, – сжигать книги, в которых обсуждается философия, мораль, математика и физика – вопросы чисто научные? Допуская даже, что книги Виклифа содержат еретические мнения, следует ли из этого, что их нельзя читать? Разве не наилучшее средство уничтожить заблуждение – изучить его? Как опровергнуть то, чего не знаешь?”

Подписавшие этот протест заявляли, однако, свою преданность церкви и объявили, что не поддерживают никакой ереси. Далее в протесте еще было сказано, что архиепископ не имел ни малейшего права воспрещать проповедь в часовнях, так как известно, что Христос велел своим ученикам проповедовать всюду.

Между тем Александр V умер, и архиепископ Збынек поспешил донести новому папе Иоанну XXIII, что Гус проповедует ересь, и просил папу вызвать его в Рим для примерного наказания. Не дожидаясь папского решения, архиепископ созвал 16 июля множество духовных и светских лиц в своем дворце, куда было принесено 200 фолиантов – различные книги Виклефа, частью в великолепных переплетах. Во дворе устроили костер и сожгли эти книги, причем колокола трезвонили по всей Праге и священники пели Te Deum (Тебе Бога хвалим). Два дня спустя архиепископ отлучил от церкви Гуса и всех апеллировавших к папе.

Следствие этой меры было, однако, совсем не такое, какого ожидал архиепископ. Народ был крайне раздражен; всюду слышались злые насмешки над архиепископом. В собраниях и на улицах пели сочиненные против него эпиграммы. Одна из них гласила: “Збынек, епископ и ученик начальной школы, выучив A, B, C, D, сжег книги и теперь не знает, что в них написано”. От насмешек перешли к насилию. Самому архиепископу пришлось однажды спрятаться от разъяренного народа; а когда в церкви св.

Стефана один священник “анафемствовал”, то есть произносил с кафедры проклятие Гусу и его друзьям, шестеро вооруженных граждан бросились на него в храме и он едва спасся.

Узнав об этих беспорядках, король Вацлав запретил под страхом смертной казни петь куплеты, направленные против архиепископа; но этому последнему велел заплатить владельцам сожженных книг убытки. Архиепископ не повиновался, и король велел прекратить выдачу ему жалованья.

Вскоре после этого из Рима пришло, наконец, решение по делу Гуса. Новый папа Иоанн XXIII отверг апелляцию Гуса, подтвердил буллу своего предшественника и даже повелел архиепископу, под страхом отлучения, преследовать Гуса и, в случае надобности, даже употребить против него мирскую власть. Вместе с тем папа требовал Гуса в Рим на суд.

Это известие вызвало в Праге взрыв негодования против папы. Сторонники Гуса твердо держались его правила: “В духовных вопросах повиноваться не людям, а Богу”, – и папские угрозы только подстрекали их к сопротивлению. Король Вацлав опять склонялся на сторону Гуса и писал папе, что следует прекратить процесс, затеянный против Гуса архиепископом, и что лучше “приказать обеим сторонам молчать”. Но папа прислал следственную комиссию из четырех кардиналов, и 15 марта 1411 года Гус был предан новой анафеме во всех церквах Праги, исключая две, где священники отказались повиноваться. Весь город за сочувствие Гусу был подвергнут интердикту, то есть было запрещено совершение всякого богослужения.

Гус понял, что ему остается одно: не обращать ни малейшего внимания ни на архиепископские, ни на папские решения. Он продолжал проповедовать в своей часовне, как будто ровно ничего не случилось. Некоторые священники последовали его примеру.

Ввиду сильного волнения умов в Праге архиепископ решился наконец на уступки и даже согласился подчиниться решению третейского суда по назначению короля. Суд этот предложил архиепископу проект письма к папе, в котором значилось, что в чешских землях более нет никаких ересей и что между Гусом и архиепископом произошло полное примирение. Гус, со своей стороны, согласился подчиниться решению суда; но архиепископ раздумал мириться и написал королю, что по чести и по совести не может принять третейского решения, причем жаловался, что все идут против него, и угрожал обратиться к венгерскому королю Сигизмунду. Архиепископ действительно выехал из Праги, но по дороге в Венгрию заболел и умер. Архиепископ Збынек был плохой богослов и самодур, но, по крайней мере,

отличался прямотою, которую ценил сам Гус. Преемником его был королевский лейб-медик Альбик, человек довольно тихий. Сам по себе он не затевал ссор с Гусом. В 1412 году в Прагу приехал от папы Иоанна XXIII священник Тим, привезший буллу о новом крестовом походе.

В то время папская власть опустилась ниже, чем когда-либо. Пизанский собор, вместо двух пап, создал не одного, а трех: Иоанн XXIII чувствовал себя небезопасно в самом Риме, которому угрожал неаполитанский король Владислав, покровитель одного из прежних пап, Григория XII. Иоанн XXIII затевал против своих врагов крестовый поход, обещая всем участникам похода прощение всех грехов, – прошедших, настоящих и даже будущих. Буллы, привезенные Тимом новому пражскому архиепископу, встретили сочувствие короля Вацлава. Король и архиепископ разрешили сбор денег на поход, и со всех кафедр Праги велено было произносить проповеди за поход, и на базарных площадях слышался барабанный бой герольдов. Чтобы не выставить слишком наружу денежную сторону дела, архиепископ велел не давать денег исповедникам и не проповедовать спасительной силы креста, а говорить на евангельские темы. Гус радостно ухватился за это повеление. Публично с кафедры он стал проповедовать против похода. Смелая проповедь Гуса испугала на этот раз даже некоторых из его друзей. Впервые обнаружилось, что между этими друзьями были люди робкие и даже предатели. Один из ближайших приятелей Гуса, Степан из Пальча, в то время бывший деканом богословского факультета, подговорил факультет принять решение, что папа имеет власть прощать грехи и даровать их отпущение какими угодно способами. Тогда Гус заявил, что действия папы противны основам христианского учения. По улицам Праги были расклеены объявления, гласившие, что 7 июня 1411 года Гус назначил в большом зале Карловой коллегии публичный диспут по вопросу: “Согласно ли с прямым смыслом учения Христа, чтобы во славу Божию и для спасения христианского народа были поддерживаемы папские буллы о крестовом походе?”

Некоторые боязливые профессора богословия немедленно отправили к архиепископу депутацию из двух докторов богословия, прося запретить объявленный диспут. Архиепископ медлил, и диспут состоялся в присутствии необычайно многочисленной толпы докторов, магистров и студентов несмотря на то, что богословским факультет выставил, в свою очередь, объявление, строжайше воспрещавшее всем бакалаврам участвовать в диспуте.

На этом диспуте Гус произнес несколько замечательных

речей; но главным героем дня остался все же не он, а его лучший и вернейший друг, магистр Иероним Пражский. Иероним говорил с таким воодушевлением, что восторгам студентов не было конца. Когда диспут окончился, Иеронима провожала домой еще более многочисленная толпа, чем Гуса.

За этой студенческой демонстрацией последовала другая, более внушительная. Один из придворных короля, Бок, или, по-немецки, Вальдштейн, вздумал предать посмеянию папские повеления. Он устроил шутовскую процессию: посредине сидели на колеснице куртизанки (по некоторым сведениям, это были переодетые студенты), у которых на груди висели папские буллы; впереди и позади шли толпы людей с мечами и кнутами. Процессия двинулась мимо самого архиепископского дворца, подле которого остановилась. Постояв немного, двинулись по всем главным улицам Праги и, достигнув рынка на Новом Месте, устроили костер, на котором торжественно сожгли папские буллы, насмехаясь при этом и над крестовым походом, и над сожжением книг Виклифа.

Король Вацлав посмотрел сквозь пальцы на проделку своего придворного, но на будущее время объявил, что всякое сопротивление папским буллам наказуемо смертью. Это была не пустая угроза. 10 июля 1412 года трое молодых людей из низшего сословия, – Ян, Мартын и Сташко, – вздумали ходить по церквам и во время богослужения оспаривать проповедников, крича, что отпущение грехов папою есть сущая ложь. Их схватили, пытали и, не добившись раскаяния, на следующий день приговорили к смертной казни. Гус ходатайствовал за осужденных; но городские власти, боясь, что отсрочка казни еще более раздражит народ, поспешили с совершением приговора – и головы всех трех осужденных пали на плахе. Во время казни народ хранил молчание; одна женщина принесла чистое полотно, чтобы обернуть тела казненных. Студенты, под предводительством одного магистра, подняли тела и понесли их с пением известного гимна мучеников христианства. “Isti sunt sancti” (это святые). Процессия двинулась к Вифлеемской часовне. Гус лично содействовал погребению казненных. С тех пор враги Гуса прозвали его часовню “Каплицей трех святых”.

Между тем, пражские богословы продолжали интриговать против Гуса. Вновь был затеян спор о 45 тезисах Виклифа, к которым на этот раз присоединили шесть тезисов самого Гуса, требуя, чтобы Гус не смел преподавать их. В этом смысле было даже выхлопотано королевское повеление; но Гус заявил, что король не имеет права нарушать университетской автономии и свободы преподавания.

Во время этих споров некоторые из бывших друзей Гуса, особенно Станислав из Цнойма, окончательно примкнули к противной партии. Гус назвал этих неверных друзей людьми “пятящимися” (cancrisantes, от слова cancer, рак).

Наконец и папа Иоанн XXIII опять дал о себе знать в Праге. Он велел кардиналу Сант-Анджело поступить с Гусом без всякой пощады. Кардинал приказал в случае дальнейшего упорства Гуса повторить против него анафему, при колокольном звоне, с зажжением и погашением свечей. В формуле проклятия было сказано, что отныне никто не должен давать Гусу ни пищи, ни питья, ни приюта; никто не должен сказать ему доброго слова; каждое место, на котором он стоит, подвергается интердикту. Все верные сыны церкви должны хватать Гуса везде, где бы его ни встретили, и выдавать архиепископу или епископу; наконец, Вифлеемская часовня должна быть срыта до основания и уничтожена.

Следует заметить, что пражские городские власти – члены магистрата – были, по большей части, враждебны Гусу[3]. По их подстрекательству 2 октября 1412 года у Вифлеемской часовни собралась толпа буянов, пытавшихся проникнуть в часовню во время проповеди Гуса и произвести там погром. Но сторонников Гуса было в Праге гораздо больше, чем противников. Гуситы стали в оборонительное положение, и противники ушли ни с чем.

Постоянные столкновения гуситов с их противниками сильно беспокоили короля Вацлава. Не решаясь действовать силой против проповедника, приобретшего необычайную популярность, король подослал к Гусу людей, уговаривавших его добровольно оставить Прагу, чтобы положить конец смуте. Король обещал, что разберет дело Гуса по справедливости.

Гус повиновался королю, но крайне неохотно и после продолжительной внутренней борьбы. В конце 1412 года он добровольно отправился в изгнание, опубликовав перед отъездом еще один трактат, в котором апеллировал уже не к папе, а на папу “к Христу как к праведнейшему судье”.

Король Вацлав, при всей распущенности характера, обладал некоторой королевской честью и обыкновенно сдерживал однажды данное слово. И на этот раз он всеми способами старался уладить споры и сделать возможным возвращение Гуса в Прагу. Между тем архиепископ Альбик, чувствуя себя слишком дряхлым, уступил место новому архиепископу Конраду, который в начале 1413 года созвал синод. Гус, разумеется, не мог явиться на синод, но прислал вместо себя одного из друзей. Однако попытка примирения между сторонниками и противниками Гуса не состоялась. Гус прислал несколько кратких и ясных пунктов

соглашения; но его бывшие приятели, а теперь враги, особенно Станислав из Цнойма и Степан из Пальча, до того интриговали против Гуса, что наконец сам король Вацлав потерял терпение и хотел изгнать этих интриганов из пределов Чешского королевства. Вообще, при королевском дворе опять взяли верх гуситские веяния. Так, например, король издал патент, установивший в пражском магистрате полное равенство между чехами и немцами: до тех пор немцы преобладали, теперь же многие гуситы проникли в магистрат. Гус все еще оставался в изгнании; но он не терял времени. Он вел обширную переписку со своими пражскими друзьями: давал им советы, поддерживал их в трудные минуты. Чисто отеческая заботливость сказывается в его письмах. Кроме того, Гус за это время написал немало богословских трактатов и, между прочим, главное свое сочинение "Deecclesia" ("О церкви"), написанное им в местечке Козий Градек, отстоящем на 70 верст от Праги. По временам Гус приезжал также в местечко Краковец, где проповедовал. Огромные толпы народа стекались сюда слушать его, приходя из отдаленнейших местностей Чешского королевства. Время добровольного удаления Гуса из Праги оказалось поэтому весьма плодотворным для распространения гуситизма, преимущественно в низших слоях населения, и с этой точки зрения пребывание Гуса вне Праги имеет величайшее историческое значение. Мало-помалу, помимо Праги, возник другой самостоятельный центр гуситизма, находившийся в той самой местности, еще впоследствии возник гуситский город Табор. Да и в самой Праге дело Гуса шло не хуже прежнего. С удалением учителя некоторые ученики привыкли действовать самостоятельнее; враги полагали, что гуситизм окончательно задавлен, но, к их удивлению, оказалось, что число приверженцев Гуса возрастает с каждым днем.

Движение это приняло такие размеры, что не могло остаться незамеченным в Риме; но здесь все же гораздо более занимались Виклефом, чем Гусом. В январе 1413 года "генеральный собор" в Риме осудил сочинения Виклефа, особенно его "Диалог" и "Триалог". Этот собор не оказал никакого влияния на чешские дела. Совсем иное значение для чехов имел созванный в конце 1414 года Костницкий, или Констанцский собор.

Глава V

Констанцский собор и мученическая смерть Гуса

В течение нескольких лет гуситское движение сделало такие успехи, что приверженцы и противники Гуса появились за пределами Чешского королевства. В 1413 году в Вене уже были гуситы: учение Гуса занесли сюда приезжие из Праги чешские студенты. Даже во Франции Гус пользовался значительной известностью, и Парижский университет, где заседали светила тогдашнего философского “номинализма”, взволновался при известии, что в Праге одерживают верх учения, слывшие, по мнению парижских докторов, неизбежным логическим последствием философской ереси, то есть реализма. Профессора Сорбонны сочли своим долгом написать послание пражскому архиепископу Конраду, советуя ему принять меры против распространения лжеучений. Знаменитый Жерсон прислал архиепископу несколько выдержек из книги Гуса “О церкви” с кратким опровержением учения Гуса. С другой стороны, гуситизм стал сильно распространяться в Польше, и слухи о нем проникли до пределов Московской Руси. В немецких землях также было немало сторонников Гуса, но еще больше – противников. Кроме удалившихся из Праги профессоров, главным противником чешского проповедника явился сам Римский император.

В то время титул Римского императора принадлежал уже венгерскому королю или, точнее, мужу венгерской королевы Марии, брату короля Вацлава, Сигизмунду.

С 1413 года и до самой смерти Гуса Сигизмунд стоял во главе его противников. Необходимо сказать несколько слов о личности этого монарха, владения которого номинально простирались от Балканских гор до Балтийского моря и от Карпат до Рейна.

Сигизмунд был человек по-тогдашнему образованный: он знал латинский, французский, немецкий и венгерский языки, был весьма любезен не только с дамами, за которыми ухаживал более, чем следовало, но и с простыми бюргерами и купцами, у которых бывал на похоронах и на крестинах. Но главной чертой характера Сигизмунда было его необычайное желание прославиться. Он любил грандиозные проекты, ему нравилось все великолепное. Насколько его брат Вацлав был апатичен, настолько Сигизмунд хватался за всякую новинку, доставляющую случай его имени прогреметь на весь мир. Блистательное коронационное путешествие в Аахен окончилось скандалом: ни один курфюрст не приехал. С тех пор Сигизмунд искал случая возместить себе моральный ущерб, нанесенный этим провалом. Он вздумал

удивить все человечество и затеял небывалый по великолепию вселенский собор с целью окончательно прекратить церковный раскол. Обстоятельства сложились благоприятно для Сигизмунда. Неаполитанский король Владислав захватил Рим и выгнал папу Иоанна XXIII, который бежал в Болонью и отдался под покровительство Сигизмунда. Последний потребовал от папы созвания собора. Иоанн XXIII, боясь, что на соборе обнаружатся его собственные плутни и распутство, медлил и, чтобы сохранить вид достоинства, требовал созвания собора в городе, не подчиненном императору. Но Сигизмунд настаивал на своем и заставил папу объявить, что собор откроется в Констанце (Костнице) первого ноября 1414 года.

Перед открытием собора папа имел свидание с императором и, между прочим, жаловался ему на бездеятельность его брата, чешского короля Вацлава, говоря, что Действия короля способствуют умножению ереси. Сигизмунду тотчас же пришла блистательная мысль – вызвать Гуса в Констанц. Он послал двух чешских дворян к Гусу с объявлением, что, если Гус добровольно явится на собор, ему будет дана полная возможность высказаться, и даже если он, Гус, не подчинится решению собора, император обещал отослать его домой без всяких препятствий.

На первых порах Гус даже обрадовался этому приглашению. Странная мысль явилась в его уме. Гус не был честолюбив и самонадеян, но глубоко верил в свою правоту, и ему казалось, что, явившись на собор, он не только оправдает себя от ложных обвинений, но и доставит полное торжество правде, убедит в правоте своих идей не только мирян, но даже многих из прелатов. Гус смотрел на свое путешествие прежде всего как на удобный предлог торжественного заявления своих убеждений перед представителями всего христианского мира.

Некоторые из друзей Гуса смотрели на будущее менее доверчиво и говорили ему: “Не верь императору; он выдаст тебя твоим врагам”. Даже один из дворян, посланных императором к Гусу, передавая обещания Сигизмунда, сказал по секрету Гусу, чтобы он остерегался и не всему верил. Слова эти возбудили у Гуса некоторые сомнения, но он недолго колебался.

– Что же, – говорил он, – я не скрываю себя от опасностей; если надо, я готов даже умереть.

Бесспорно, однако, что Гус надеялся на возможность “увлечь за собою весь собор и заставить всех защищать и исповедовать истину” (слова Аугсбургской немецкой хроники).

Приготовляясь к отъезду, Гус хотел заранее испытать свои силы. Как только пражский архиепископ созвал новый провинциальный синод, Гус приехал в Прагу и велел

распространить объявления на трех языках: латинском, чешском и немецком, в которых было сказано, что он, Гус, готов дать отчет о своей вере перед всем чешским духовенством. Гус предлагал всякому, кто пожелал бы обличить его в ереси, явиться на диспут.

Само собою разумеется, что архиепископ не дозволил Гусу явиться на заседание синода. Когда Гус с несколькими друзьями прибыл к архиепископскому дворцу, вышел маршал и сказал весьма грубо, что высокопочтенные пастыри обсуждают теперь королевское предложение и что нельзя впустить всякого желающего помешать им в таком важном деле.

Получив отказ, Гус написал новое воззвание, на этот раз только по-чешски, которое было вывешено у самых ворот королевского дворца. Гус апеллировал к королю и ко всему чешскому народу, заявляя, что ему не дали оправдаться, и предлагая обвинителям явиться на Констанцский собор. Гус не знал, что его враги явятся туда даже без всякого вызова с его стороны.

Вскоре после этого в пользу Гуса неожиданно высказался папский земский инквизитор, викарный епископ Николай Назаретский. В присутствии нескольких чешских дворян он заявил, что считает Гуса превосходным католиком, и даже подтвердил свои слова письменным заявлением. В то же время в монастыре св. Иакова, на собрании светских и духовных феодалов, было прочитано письмо Гуса, который просил сделать архиепископу формальный запрос, считает ли он его виновным в какой-либо ереси? Если нет, пусть письменно удостоверит в противном. Гус имел в числе феодалов многих приверженцев, настоявших, чтобы его письму был дан ход. Архиепископу действительно сделали запрос. Не имея прямых улик против Гуса, архиепископ Конрад хотя и не дал письменного заявления, но на словах высказал, что никакой ереси за Гусом он не знает и что Гусу надо только очистить себя в глазах папы. Эти слова архиепископа были записаны, и трое чешских дворян приложили свои печати к документу, который был послан императору Сигизмунду с просьбою оказать Гусу свою “мощную защиту”.

Все это могло только усилить решимость Гуса отправиться на собор, и он написал императору письмо, в котором благодарил за оказанное ему до сих пор “покровительство” и просил содействия Сигизмунда лишь в том смысле, чтобы ему была предоставлена возможность защищать свои убеждения перед собором непременно в публичном заседании. “Я не побоюсь, – писал Гус, – исповедать Христа и, если уж этому должно быть, готов потерпеть даже смерть за истину”. Из Праги Гус опять уехал в Краковец. Здесь он узнал из писем своих пражских друзей, что враги его не

теряли времени, они уже сформулировали обвинения и подготовили все следствие; уже были подысканы свидетели, их привели к присяге и записали их показания. Чешское и моравское духовенство, большею частью состоявшее из противников Гуса, устроило даже денежный сбор с целью покрыть расходы уполномоченных, которые должны были ехать в Констанц для обвинения Гуса. Во главе врагов Гуса стал на этот раз не архиепископ, немец Конрад, а чех Ян из Литомышля – железный епископ, как его называют летописцы. К нему присоединились четыре феодала из клерикальной партии. Но всего опаснее для Гуса было присоединение к этому заговору магистра Степана Пальча – одного из друзей-предателей – и еще троих докторов богословия. Нашелся, однако, тайный друг Гуса, передавший ему копию новых обвинительных пунктов, к которым были присоединены все прежние, включая донос, поданный на Гуса римской курии еще в 1412 году одним бессовестным лжецом Михаилом по прозвищу de Causis (он был нечто вроде духовного следователя по делам еретиков). Гус письменно ответил на все пункты обвинителя и считал себя вполне подготовленным к защите. На путевые расходы Гуса была собрана известная сумма его друзьями и почитателями – у него самого хватало денег только на самую скромную жизнь.

Перед отъездом Гус сделал, однако, распоряжения, показывающие, что в глубине души он гораздо мрачнее относился к будущему, чем можно было думать, судя по его публичным заявлениям.

Гус устроил свои дела так, как будто готовился к смерти. Он написал завещание в виде письма к своему любимому ученику Мартыну. Письмо это Гус запечатал и велел вскрыть лишь тогда, когда будут получены вполне достоверные известия о его смерти.

Письмо это написано с такой задушевностью, в нем столько отеческой нежности и заботливости о молодом человеке и в то же время столько искренности и трогательной простоты в исповеди самого Гуса, что писать так могут только исключительные натуры и только в особых обстоятельствах. Гус простился в этом письме со всеми “связанными с ним верою” друзьями, мужчинами и женщинами; он утешает и, как бы угадывая свой ужасный конец, говорит, что смело встретит смерть, если она неизбежна.

Многие из друзей Гуса имели мрачные “предчувствия”. Один из них, башмачник Андрей Поляк, прощаясь с Гусом, сказал: “Кажется мне, что ты не вернешься к нам”. Накануне смерти Гус вспомнил эти дружеские слова.

Император Сигизмунд, желая, чтобы Гус не медлил с приездом, еще во время предварительных переговоров самым

формальным образом обещал выдать ему охранную грамоту. Узнав о решении Гуса, Сигизмунд медлил с выдачею грамоты, и Гус, в свою очередь, решился ехать, положившись на одно императорское слово. Обещанную грамоту Гус получил, но лишь по приезде в Констанц. Впрочем, император избрал троих чешских дворян, которым велел сопровождать Гуса. Это были Ян из Хлума, Вацлав из Дуба и Генрих из Хлума: последний приехал к Гусу лишь в конце путешествия.

Вопрос об охранной грамоте, данной императором Гусу, много занимал архивных историков; но окончательно он был выяснен лишь в 70-х годах XIX столетия Бергером. Этот немецкий ученый доказал, что в XV веке различали два рода императорской охраны – “живую” и “мертвую”. “Живую” охрану Гуса составляли упомянутые чешские дворяне и, по тогдашним понятиям, одного назначения этих дворян состоять при Гусе было вполне достаточно, чтобы, без всякого письменного документа, император считался уже связанным своим обещанием. Не нарушив правил, не только нравственных, но и вошедших в обычное право, Сигизмунд уже не мог отказать Гусу в защите.

В октябре 1414 года Гус выехал из Краковца в Прагу и 11 числа начал свое путешествие. Ехал он в сопровождении двух из присланных императором дворян и нескольких близких друзей, пожелавших за ним следовать. Для историков и биографов важнее всего оказалось участие в путешествии Гуса бакалавра Петра из Младеновиц, секретаря одного из сопровождавших Гуса дворян – Яна из Хлума. Были и другие спутники: всего числилось в этом караване “тридцать лошадей”. Петр вел обо всем подробный дневник; впоследствии гуситы, в день смерти Гуса, читали во время богослужения отрывки из этого дневника.

Путь в Констанц шел через Нюренберг. Гус, хотя и не враждовал с немцами, все же был уверен, что вообще немцы его не любят, и никак не ожидал того приема, какой был ему оказан почти всюду.

Перейдя границу, Гус вместо ожидаемых врагов всюду встречал людей, к нему отлично расположенных. На девятый день путешествия он пишет из Нюренберга своим пражским друзьям: “Знайте, что я до сих пор не встретил ни одного врага”. В некоторых местностях его принимали с величайшим почетом. Многие приходили посмотреть на Гуса просто из любопытства, – имя его было слишком известно в немецких землях, – но находились и люди, прямо ему сочувствовавшие. В больших городах Гус распространял объявления, в которых извещал население, что едет в Констанц с целью публично защищать свои убеждения. Во многих местах даже духовные лица выражали

сочувствие цели его путешествия. Чешские дворяне, сопровождавшие Гуса, относились к нему вполне дружески. Особенно усердствовал в пользу Гуса Ян из Хлума. В верхнешвабском городе Биберах этот дворянин затеял такие беседы с местным духовенством, что жители города сочли его за доктора богословия. Эта ошибка очень позабавила Гуса, и он с той поры стал называть рыцаря Яна в шутку “доктором из Бибераха”.

Бывали, конечно, и столкновения. Так, из Нюренберга, днем раньше Гуса, выехал епископ Любекский, который также спешил в Констанц. По дороге этот прелат всюду предупреждал народ остерегаться Гуса. Это внушение произвело лишь то действие, что народ из одного любопытства валил толпами навстречу Гусу. Когда наконец 3 ноября 1414 года Гус приблизился к Констанцу, из этого города ему навстречу вышла также огромная толпа народа.

Толпа эта проводила Гуса до самой его квартиры, нанятой им у одной вдовы, Фиды. Ян из Хлума называет эту женщину “второй Сарептскою вдовою”.

На следующий же день после приезда Гуса, 4 ноября, Ян Хлумский получил аудиенцию у папы Иоанна XXIII. Он и его товарищ Генрих, только что прибывший, доложили папе о приезде Гуса и просили папской защиты.

Иоанн XXIII имел вполне основательные причины бояться за свою собственную участь: с минуты на минуту он ожидал, что собор низложит его.

Ввиду этого папа старался быть в мире со всеми, и при первых же словах Яна Хлумского о Гусе Иоанн XXIII воскликнул:

– О, пусть будет спокоен! Ему нечего бояться, даже если бы он убил моего родного брата.

Ян доложил папе, что император Сигизмунд уже взял Гуса под свою охрану.

– О, если так, – добавил папа, – я на время прекращу затеянный против него процесс и уничтожу анафему.

Вслед за тем папа прислал к Гусу епископа Констанцского и еще нескольких лиц, требуя только, чтобы Гус вел себя смирно, не докучал папе и не появлялся в общественных местах, особенно в храмах. Гус повиновался. Он воспользовался этим временем, чтобы основательно подготовиться к защите.

Только 5 ноября приехал в Констанц дворянин Вацлав с охранной грамотой, подписанной императором Сигизмундом. Текст ее не допускал никаких сомнительных толкований. Сигизмунд повелевал всем и каждому “свободно пропускать Гуса, дозволять ему жить, где хочет, и уезжать, куда пожелает”. Но

враги Гуса делали свое дело. Усерднее всего действовал известный кляузник Михаил de Causis – полный его чин был procurator de causis fidei – надзиратель по делам веры. Этот соотечественник Гуса еще раньше него прибыл в Констанц и вместе с бывшим другом Гуса, Степаном Пальчем, расклеил по городу объявления, возвещавшие, что Гус – изгнанный из Чешского королевства еретик. Оба эти чеха обивали пороги всех прелатов, подстрекали докторов богословия, совещались с монахами доминиканского и других влиятельных орденов.

Гус ничего не предпринимал против врагов. На первых же порах его смутила внешняя обстановка собора.

Собор еще не был открыт официально, но почти все прелаты уже съехались. Это был не только духовный собор, но политический конгресс. Светские князья сидели здесь рядом с епископами; почти все европейские дворы прислали послов. Три патриарха, 29 кардиналов, 33 архиепископа, около 150 епископов, множество аббатов и приоров, 300 магистров и докторов богословия, множество принцев и вельмож – таков был состав этого съезда. Университеты играли важную роль, какой не имели ни на одном из прежних соборов: это была невольная дань тому самому демократическому духу, который воплотился в учении Гуса.

Внешняя обстановка собора была блестящей. Прелаты, вельможи и принцы привезли с собою массу слуг, секретарей, воинов. Купцов нахлынуло столько, как будто в городе была ежедневная ярмарка. 100 тысяч приезжих, 30 тысяч лошадей появилось в небольшом городе, едва вмещавшем все это множество людей и скота. Были тут англичане рядом с французами, поляки рядом с меченосцами тевтонского ордена – настоящее смешение языков; 600 цирюльников, 700 официальных куртизанок, множество бродячих и оседлых музыкантов; все это придавало городу своеобразный вид. Оживление было необычайное, часто происходили скандалы: архиепископы Пизанский и Майнцский поссорились за кружкою вина, от слов перешли к действиям. “Бой между архипастырями, – пишет итальянский летописец Муратори, – был ужасен: присутствовавшие священники с перепугу повыскакивали в окна”.

Гуса смутил, оглушил, ошеломил этот шум. “Если бы вы могли видеть этот собор”, – писал он в Прагу. – Собор, называющий себя святым и непогрешимым, – просто отвратителен! Швабы говорят, что 30 лет потребуется, чтобы очистить город от грехов, которыми его теперь пятнают”.

Даже помимо обещания, данного папе, Гус почти не решался выйти на улицу. Сидя в своей комнатке, он писал. Сначала Гус

думал о самозащите, но, увлекшись ходом мыслей, стал писать о реформе церкви. Он набросал великолепную речь, которую надеялся произнести на соборе. Гусу стоило взглянуть на любого из приехавших в Констанц прелатов, чтобы понять главную причину зла, разъедавшего католический мир. “Как далеки эти духовные пастыри, – писал Гус, – от цели, указанной Христом! Вместо того, чтобы жить в простоте и смирении, они владеют землею, они хотят подчинить себе даже королей. Кто узнает в этих прелатах, окруженных свитами рыцарей, блистающих золотом и серебром, учеников смиренного Распятого? Сколько времени им надо, чтобы забыть свою клятву? Они не могут видеть женщины без нечистых помыслов; они забывают о людях, как и о Боге. Откуда все это зло? Я трепещу, боюсь сказать, не смею и умолчать. Я не хочу, чтобы сказали обо мне: “Горе ему! он молчал и запятнал свои уста молчанием”. Причина, источник всей этой заразы – римский двор, не только потому, что он не исполняет своего назначения, но и потому, что сам продает веру и церковь. Народ гибнет, и мы все виновны в его гибели, мы, обязанные вести его к жизни, а не к смерти!”

Кто знает, какое впечатление могла бы произвести подобная речь, если бы Гусу позволили произнести ее на соборе в публичном заседании? Но Гус не знал всей хитрости и проницательности прелатов, с которыми имел дело.

Надо было придумать какой-либо предлог для лишения Гуса свободы. С этой целью в городе был пущен слух, будто Гус хотел бежать, спрятавшись на возу с сеном, и будто он, нарушив данное папе обещание, публично проповедовал и с целью привлечения слушателей давал будто бы каждому по червонцу. Хотя все это была явная и бесстыдная ложь, прелаты сочли возможным воспользоваться ею, чтобы придать своим действиям хотя бы видимость права.

28 ноября к Гусу явились два епископа в сопровождении констанцского бургомистра и одного рыцаря будто бы с целью проводить его к папе на аудиенцию. Гус еще не успел выйти к гостям, как бывший здесь Ян из Хлума, предугадывая предательство, резко возразил, что он отвечает перед императором за каждый волос Гуса и что до приезда императора в Констанц никто не смеет ничего предпринять против Гуса.

– Что ты, рыцарь, – ответил один из епископов. – В уме ли ты? Мы пришли с самыми миролюбивыми намерениями.

В это время вышел сам Гус со словами:

– Я приехал сюда не с целью вести переговоры с кардиналами, а затем, чтобы публично оправдаться перед собором. Тем не менее, я готов по первому требованию

кардиналов явиться к ним и отвечать на вопросы. Но знайте, что я предпочту смерть отказу от истины!

Гус все еще не подозревал низкого обмана. Он не знал и того, что дом, где он жил, и соседние дома были оцеплены вооруженными людьми. Когда Гус спускался с лестницы, он встретился со своей домовой хозяйкой.

– Благослови тебя Бог, – сказал Гус.

Хозяйка, подозревавшая, в чем дело, не ответила и расплакалась.

Гус сел на свою малорослую лошадку и поехал к папскому двору в сопровождении прибывших за ним прелатов и рыцаря Яна Хлумского, не желавшего оставить его ни на минуту.

Гуса привели не к папе, но в собрание кардиналов. Один из них сказал Гусу:

Мы хотим от тебя услышать, что ты скажешь о разных лжеучениях, распространяемых тобою в Праге?

Гус почтительно, но твердо ответил:

– Я скорее готов умереть, чем упорствовать во лжи, если знаю, что это ложь. Я приехал сюда по доброй воле. Если мне докажут, что я заблуждаюсь, я готов с покорностью сознать свою ошибку.

Некоторые из кардиналов одобрительно кивнули головами; затем все собрание удалилось, оставив Гуса под прикрытием бывшей в зале военной стражи. Только верный рыцарь Ян остался подле Гуса.

Прошло несколько часов. Кардиналы опять собрались во дворце с целью выслушать главных чешских доносчиков. Были, впрочем, допрошены и некоторые друзья Гуса. Когда совещание окончилось, папский гофмейстер вошел в комнату, где находился Гус, и сказал рыцарю Яну, что он может идти, куда хочет, но Гус должен остаться.

Верный Ян пришел в сильнейшее негодование. Недолго думая, он отправился к самому папе и в присутствии кардиналов сказал, что, при всем уважении к его святейшеству, должен назвать подобные действия вероломством. Ян напомнил папе о его обещаниях и с гневом сказал:

– Я подниму голос против всех, кто осмеливается оскорблять охранную грамоту императора.

Папа слабо защищался.

– Мои братья, – сказал он, указывая на кардиналов, – знают, что я никогда ничего не приказывал.

В тот же вечер Гуса отвели под стражею в дом одного констанцского каноника и здесь держали восемь дней. 6 декабря Гуса привезли в доминиканский монастырь, находившийся на

Констанцском озере, на островке, и посадили здесь в мрачную, сырую, смрадную тюрьму, примыкавшую к клоаке. Вскоре Гус заболел здесь так, что одно время опасались за его жизнь.

Рыцарь Ян сделал все, что мог, стараясь освободить Гуса. Он ездил с императорской грамотой к вельможам и прелатам, жаловался городским властям, наконец прибил на воротах соборной церкви воззвание по-латыни и по-немецки, в котором протестовал против оскорбления, нанесенного кардиналами, в лице Гуса, самому императору.

Протест этот был вывешен накануне Рождественского праздника. В тот же вечер приехал наконец в Констанц сам император Сигизмунд. Император еще по дороге узнал об аресте Гуса. В первую минуту он пришел в состояние сильнейшего гнева и велел немедленно освободить Гуса, угрожая в противном случае сломать тюрьму, в которой тот находился. Кардиналы не обратили ни малейшего внимания на эту угрозу. По приезде в Констанц император стал упрекать прелатов и однажды оставил даже город, но вскоре приехал опять. Прелаты убеждали его с помощью хитрой софистики; один из них сказал Сигизмунду знаменитые слова: “Не следует сдерживать обещание, данное еретику”. На угрозу императора опять оставить Констанц кардиналы ответили, что в таком случае они распустят собор. Этот довод стоил для Сигизмунда всех других: неудача собора была бы слишком чувствительна для его тщеславия. Император решился поступиться своей честью: сначала он предоставил кардиналам действовать как они хотят, а потом даже сам стал подстрекать их против Гуса.

Еще 4 декабря 1414 года папа назначил по делу Гуса следственную комиссию из трех епископов, которые пригласили всех свидетелей, в количестве 15 человек, привели их к присяге и допросили в присутствии Гуса, в его темнице. Гус был в это время так болен, что едва мог говорить, но на это не обратили внимания, и весь допрос произвели в один день. Гус просил, чтобы ему назначили, по крайней мере, защитника. Члены комиссии обещали, но на следующий день Гусу было объявлено, что подозреваемого в ереси никто не вправе защищать. Как только Гус немного оправился от болезни, ему подсунули бумагу, содержавшую 42 обвинительных пункта, с требованием ответить на них. Обвинительный акт этот был составлен чешским магистром Степаном Пальчем. Первые 37 пунктов были выбраны из сочинения Гуса “О церкви”, последние 5 – из разных его писем и проповедей.

Несмотря на болезнь и крайний упадок сил, Гус написал превосходный ответ. По некоторым пунктам он доказал, что

цитаты были извлечены из его сочинений самым недобросовестным образом, с урезками, прибавками и искажениями. Другие пункты Гус защищает, доказывая, что это не лжеучения, а истины, основанные на писании и признаваемые отцами церкви и светилами средневекового богословия.

Между тем из Праги пришло известие, еще более ухудшившее положение Гуса. Один из его друзей, магистр Иаков, прозванный за весьма малый рост Якубеком, стал доказывать, что миряне должны принимать причастие под обоими видами, как принято в восточных церквах. От рассуждений Якубек тотчас перешел к делу и стал причащать мирян из чаши. Многие пражские священники последовали его примеру. Архиепископские увещания не помогли; над анафемой смеялись. Сам Гус из нелюбви к догматическим спорам прежде никогда не высказывался по вопросу о причащении мирян; поэтому даже среди пражских гуситов явилось на этот счет разногласие, и проповедник Гавлик, заменивший Гуса в Вифлеемской часовне, прямо выступил против Якубека. Об этих раздорах узнал Ян из Хлума и тотчас написал Гусу в тюрьму. Ответ Гуса снова доказывает справедливость нашего мнения, что собственно догматические споры имели для него весьма малое значение. Гус написал, что в вопросе о причащении следует поступать смотря по убеждению. Для спасения души вовсе не обязательно причастие под обоими видами; но кто хочет так причащаться, тому нельзя препятствовать. Во всем этом споре Гуса занимал лишь вопрос об улаживании распри среди своих сторонников. “Ради Бога, – писал он Гавлику, – не противодействуй более Якубку; враги наши будут ликовать при виде раздора в нашей среде”.

Для врагов Гуса всякий новый повод к обвинению был удобен, и они ухватились за вопрос о причащении мирян, как за новое доказательство еретических мнений Гуса. Лишь на время внимание кардиналов было отвлечено от Гуса побегом папы Иоанна XXIII, который, опасаясь низложения и даже суда, бежал, переодевшись конюхом. Гуса стерегла папская стража, которая, узнав о бегстве папы, также предпочла уйти. Перед уходом ключи от тюрьмы Гуса были отправлены самому императору. Теперь, казалось, настало для Сигизмунда самое удобное время восстановить свое слово. Даже Гус питал некоторую надежду, что император велит освободить его. Еще перед тем чешские и моравские феодалы, бывшие в Констанце, составили письмо к Сигизмунду, в котором требовали, чтобы он, ради своей императорской чести, велел освободить того, кто был ввергнут в темницу “вследствие дерзкого презрения к императорской

охране”.

Но император был теперь совсем не в таком настроении духа, чтобы обратить внимание на это заявление. Сигизмунда успели убедить в том, что Гус один из главных противников того дела, от которого император ожидал приобресть бессмертную славу – дела восстановления единства католического мира. Император не только не велел освободить Гуса, но отягчил его участь. Созвав святых отцов Констанцского собора, Сигизмунд передал Гуса в их распоряжение, поручив его епископу Констанцскому. Тот немедленно приказал перевезти узника в свой замок Готтлибен, находившийся возле Рейна (в кантоне Тургау). В последнее время пребывания в прежней доминиканской тюрьме Гус чувствовал себя немного лучше благодаря доброте сторожей и влиянию некоторых чешских вельмож. Ему позволяли писать письма, принимать друзей, читать книги. Гораздо более суровое обращение пришлось испытать Гусу в Готтлибенском замке. Целый день на нем были оковы, на ночь руки Гуса приковывались к стене; пища была отвратительная, и Гус опять стал сильно хворать. Переписка с друзьями была ему запрещена, присылаемые книги попадали в епископскую библиотеку.

По случаю бегства папы Иоанна XXIII кардиналы должны были подтвердить его распоряжения. Был, между прочим, подтвержден и приказ о содержании Гуса под стражей. Назначили новую следственную комиссию, но какого рода допрос был сделан этой комиссией Гусу – неизвестно, так как следствие велось теперь с соблюдением строжайшей тайны. Эта неизвестность окончательно вывела из терпения чешских сторонников Гуса. Император Сигизмунд стал получать письма, в которых вместе с просьбами звучали угрозы. 12 мая в Праге собралось 250 дворян, которые подписали на имя императора прошение, где было сказано, что арест Гуса нанес обиду и позор всей чешской нации. На следующий день в самом Констанце многие чешские и даже польские дворяне подали записку представителям четырех главных “наций” Констанцского собора, в которой жаловались на незаконный арест Гуса и варварское обращение, испытываемое им в тюрьме. Чешские дворяне добавили к этой записке опровержение клеветнических слухов, распространяемых на соборе, что будто бы в Чешском королевстве (Богемии) причастие раздают в бутылке и что вместо священников народ исповедуют башмачники.

Эти жалобы не остались без ответа. Чешский “железный епископ” Ян из Латомышля написал возражение, и 31 мая патриарх Антиохийский объявил от имени собора, что Гус не будет освобожден, хотя бы за него явилась тысяча поручителей.

Единственная уступка, которую пришлось, однако, сделать по требованию чешских дворян, состояла в том, что было обещано сделать Гусу допрос в публичном заседании. В это время был пойман беглый папа Иоанн, и его посадили в том же замке, где находился Гус, так что Гус провел двое суток под одной кровлей с тем папой, который подписал приказ об его аресте.

Вслед за тем Гуса перевели в новую, уже третью по счету, тюрьму. Первый публичный допрос был назначен на пятое июня 1415 года.

Собрание прелатов состоялось во францисканском монастыре и было весьма многолюдно. Сначала, в отсутствие подсудимого, прочли обвинительный акт и показания свидетелей. Затем прелаты хотели просто голосовать вопросы, осудить приписанные Гусу тезисы и тоща лишь ввести обвиняемого, предоставив ему только покориться решению собора.

Заметив это, секретарь Яна из Хлума Петр из Младеновиц, тотчас предупредил своего патрона, а этот последний, вместе с другими чешскими дворянами, обратился к императору, настойчиво требуя, чтобы Сигизмунд не допустил такого явного неправосудия. Император должен был уступить и приказал, чтобы Гуса сначала допросили публично.

Когда Гус был введен в собрание, перед ним положили экземпляр его книги “О церкви” и его полемические сочинения против Станислава из Цнойма и Степана из Пальма, писанные его собственной рукою.

– Признаешь ли ты эти книги за свои? – спросили Гуса.

Гус взял книги, внимательно просмотрел, затем поднял вверх и сказал, что это действительно его книги; но если ему докажут, что он написал что-либо ошибочное или ложное, он готов исправить ошибки. Тогда один из прелатов стал читать сделанные в обвинительном акте выдержки из его сочинений, значительно искаженные и урезанные. Гус несколько раз пытался возразить и восстановить истину. Тогда в зале поднялся неистовый шум:

– Оставь свою софистику! – кричали ему. – Отвечай прямо: да или нет!

Гус пытался сослаться на отцов церкви.

– Оставь отцов! – кричали ему. – Им здесь нечего делать.

Видя невозможность говорить, Гус замолчал.

– А, ты молчишь! – закричали прелаты. – Это служит доказательством, что ты действительно веришь в свои лжеучения!

Посреди этого крика и шума один Гус сохранял спокойствие и достоинство. Когда ему, наконец, удалось добиться слова, он сказал:

– Я думал, что встречу на этом соборе более пристойности, более доброты и более порядка.

– Вот как ты теперь разговариваешь, – сказал на это председатель собрания, кардинал-епископ Броньи. – Пока ты сидел в Готтлибенском замке, ты был скромнее!

– Да, – ответил Гус, – потому что там никто не кричал на меня, а здесь вы все кричите!

Некоторые более благоразумные кардиналы поняли, что поведение большинства прелатов может уронить значение собора. Они предложили поскорее закрыть заседание. Второй допрос был назначен на седьмое июня.

Это второе заседание было значительно приличнее первого, чему содействовало личное присутствие на нем императора Сигизмунда. От имени императора было объявлено, что всякий нарушитель спокойствия, кто бы он ни был, будет выведен из зала.

На этот раз Гуса старались уличить главным образом в том, что он будто бы усвоил учение Виклифа о “пресуществлении”, то есть о том, что хлеб и вино в таинстве евхаристии остаются хлебом и вином. Председательствовавший в собрании кардинал Петр д’Айлльи и некоторые английские богословы стали при этом доказывать, что учение Виклифа об евхаристии составляет неизбежный логичный вывод из его реалистической философии и что Гус, будучи реалистом, неизбежно должен принять все логические последствия реализма. Гус возражал, но наконец один из англичан закончил спор, сказав:

– Философия тут неуместна. Учение Гуса об евхаристии, несомненно, католическое, тут и толковать не о чем.

Тогда Гусу предложили вопрос: как смел он высказаться против осуждения 45 тезисов Виклифа? Гус возразил:

– Я не поддерживал упорно ни одного из этих тезисов, но не мог не воспротивиться осуждению их без всяких доказательств.

– Но ты говорил, что чтишь личность Виклифа? – сказали ему.

– Я не отрицаю, – ответил Гус, – что считаю Виклифа благочестивым человеком. Желаю одного: чтобы моя душа была там же, где находится его душа.

Эти слова вызвали среди прелатов громкий взрыв смеха. Некоторые, менее смешливые, сурово качали головами.

– Но как ты осмелился апеллировать на папу к Христу?

– Что же, – ответил Гус, – нет судьи более праведного.

“Святые отцы” Констанцского собора опять расхохотались.

– Правда ли, – спросили Гуса, – что ты осмелился утверждать, будто пришел сюда добровольно и что ты хвалился тем, что если

бы не захотел прийти, тебя не могли бы привезти сюда ни король Вацлав, ни император?

– Это правда, – сказал Гус. – За мною стоит столько людей, не исключая многих могущественных вельмож, что я мог бы совершенно спокойно жить в их замках.

Тут встал рыцарь Генрих из Хлума и сказал:

– Это правда!

– Я простой рыцарь, – прибавил Ян из Хлума, – но я сумел бы защищать Гуса целый год в своем замке. Есть много более сильных, чем я, вельмож, которые сумели бы защищать его от Вацлава вместе с Сигизмундом.

Это заявление не могло понравиться присутствовавшему императору. Сигизмунд давно искал случая отказаться от слова, данного Гусу, и теперь, обращаясь к подсудимому, сказал:

– Я дал тебе охрану с той целью, чтобы ты имел возможность защищаться в публичном заседании. Ты видишь, что я в точности исполнил свое обещание. Собор сделал тебе сегодня публичный мирный и кроткий допрос, за что я приношу ему свою сердечную благодарность. Тебе же советую: брось упорство и положись на милость или немилость собора. Ты ошибаешься, если еще рассчитываешь на мое покровительство. Еретик, каков бы ни был его сан, не найдет пощады у Римского императора.

После этих слов Сигизмунда заседание было отложено до следующего дня.

Третий и решительный допрос Гуса произошел 8 июня 1415 года, опять в присутствии императора. Гусу снова не давали возразить на что-либо обстоятельно. Прелаты поняли слабую струну Сигизмунда и на этот раз особенно напирали на то обстоятельство, что учение Гуса опасно не только для церкви, но и для монархии. Между прочим разбирали обвинительный пункт, гласивший, что, по учению Гуса, священник, совершивший смертный грех, – не священник. Сигизмунду, однако, успело наскучить следствие, и он, вместо того, чтобы слушать, разговаривал с немецкими князьями и выглядывал в окно. В одном из сочинений Гуса нашли место, где было сказано, что Церковь может существовать и без папства. Тут англичанин Стокс заметил Гусу:

– Ты напрасно хвалишься своим учением: ты все украл у Виклифа!

– Так, по-твоему, – сказал един прелат, – священник не священник, если он в смертном грехе; ну а что, если император в смертном грехе?

Услышав, что речь идет об императоре, Сигизмунд обернулся и стал слушать. Гус сказал, что не отрицал того, что император –

всегда император; но монарх, совершающий смертные грехи, недостоин своего сана.

– Никто не без греха! – сказал на это Сигизмунд. Председатель еще раз спросил Гуса, желает ли он подчиниться решению собора? Гус ответил:

– Я затем и явился сюда, чтобы собор указал мне, в чем я заблуждаюсь; но пусть укажут и докажут, и пусть не заставляют меня отрекаться от того, чему я никогда не учил.

– Послушай, Гус, – сказал на это император, – почему ты не хочешь отречься и все уверяешь, что тебе ложно приписали то или другое? Да я, например, сейчас готов был бы отречься от какого угодно лжеучения, хотя я никогда не исповедовал ни одной ереси.

Императора начало удивлять то, что он считал смешным упорством Гуса. Флорентийский кардинал Цабарелли, в свою очередь, сказал Гусу, что предложит ему самую “умеренную” форму отречения, а там пусть делает, что хочет.

Конец заседания вышел очень бурным. Англичане осыпали Гуса упреками за то, что он показывал документ Оксфордского университета с одобрительным отзывом о Виклифе и кричали:

– Ты опозорил наш университет!

Гус ограничился указанием на подлинность документа. Героическая защита Гуса против целого собора бешеных прелатов особенно сильно повлияла на присутствовавших чехов. Даже враг его, Степан из Пальча, был тронут и торжественно заявил собору, что обвиняет Гуса не по фанатизму и не из личной мести, но согласно своей докторской присяге. Совесть заговорила в нем. Гус промолчал, но когда такое же заявление было сделано низким доносчиком Михаилом de Causis, Гус не выдержал и сказал:

– Я стою перед Божьим судом. Он меня рассудит с вами и воздаст каждому по достоинству.

Суд был кончен. Архиепископ Рижский фон Валленрод повел Гуса опять в тюрьму. По дороге Ян из Хлума успел пожать Гусу руку. В одном из последних своих писем Гус пишет: “Как дорого было мне это рукопожатие рыцаря Яна, который не побоялся подать руку мне, отверженному скованному еретику!”

Император Сигизмунд окончательно убедился в том, что Гус человек опасный не только для церкви, но и для престола. Когда Гуса увели, Сигизмунд сказал прелатам:

– Вы слышали его еретические мнения! Если он откажется отречься, сожгите его или сделайте все, что велит закон. Если же он отречется, не верьте ему. Возвратившись домой, он опять возьмется за свое. В случае отречения запретите ему всякую проповедь. Его и всех его последователей надо преследовать со

всевозможной строгостью.

Эти слова, услышанные Яном из Хлума, впоследствии стоили Сигизмунду потери чешской короны...

После третьего допроса сам Гус уже нисколько не сомневался в том, что будет осужден на смерть. Письма его доказывают, что с этих пор он готовился к смерти. Если Гуса не казнили в тот же день, а продержали еще четыре недели в тюрьме – это произошло по той причине, что прелаты желали во что бы то ни стало добиться его отречения. Кроме того, угрожающие письма чешских дворян заставили Сигизмунда медлить с окончательным решением. Император и многие прелаты предпочли бы уничтожить Гуса нравственно и, по отречении, заточить его где-нибудь в монастыре. Один из членов собора долго переписывался с Гусом, стараясь привести его к отречению и прибегая при этом ко всевозможным софизмам, вроде того, что, если Гус действительно не виновен, то вина падет не на его совесть, а на совесть членов собора. Гус решительно отклонял все эти предложения. Помимо той высокой любви к истине, которая составляла главную черту его характера, Гусом руководило при этом сознание, что весь вопрос именно и сводится к провозглашению им права личного убеждения, которое стоит выше всякого принудительного внешнего авторитета.

Ухищрения, к которым прибегали прелаты, чтобы принудить Гуса отречься, были самого разнообразного свойства. Ему выставляли на вид, что подчиниться решению церковной власти составляет величайший долг и заслугу верующего, убедившись в невозможности добиться отречения, прелаты спросили Гуса, не желает ли он исповедаться. Гус попросил, чтобы ему прислали в качестве исповедника того самого Степана Пальча, который был одним из главных его чешских обвинителей. Эта просьба Гуса изумила всех, но он знал, что делал. Не об одной исповеди думал при этом Гус; он хотел в последний раз повлиять на бывшего друга. Степан, изумленный более всех, отказался от роли исповедника, но не смел отказать Гусу в свидании. Он в свою очередь стал убеждать его подчиниться собору.

– Поставь себя в мое положение, – ответил ему Гус. – Что бы ты сделал, если бы был убежден в том, что ты никогда не разделял известного заблуждения, а тебя заставляли бы отречься от него?

– Да, это тяжело, – ответил Степан, глубоко тронутый.

– Теперь, – сказал Гус, – прости меня, если во время суда я употребил по отношению к тебе какое-либо резкое слово.

Это было слишком. Степан не выдержал; он зарыдал и, простившись с Гусом как лучший друг, поспешил уйти; Гус

простил не только Степана, он от всей души простил даже ничтожного Михаила de Causis, который постоянно вертелся перед дверьми его тюрьмы и говорил сторожам:

– Ну, теперь с Божией милостью мы скоро сожжем этого еретика. Я уж на него истратил пропасть денег!

Бывали, однако, минуты, когда у Гуса вырывались жалобы. Он оплакивал свое дело, скорбел о друзьях, жалел о своей милой Вифлеемской часовне, которой не надеялся более увидеть. Несколько горьких жалоб вырвалось у него против императора Сигизмунда и некоторых ученых богословов. Они были виновнее какого-нибудь доносчика Михаила. Гус знал, что “кому много дано, с того много и спросится”. Об императоре Гус сказал: “У него даже нет благоразумия Пилата”. Что касается ученых докторов, то Гуса возмущало, что эти люди из всей своей учености не извлекли даже простого чувства справедливости, свойственного самому невежественному простолюдину.

Но чем ближе была смерть, тем тверже и спокойнее становилось нравственное состояние Гуса. Почти накануне казни он давал советы и наставления друзьям.

Шестого июля 1415 года Констанцский собор имел свое XII заседание, происходившее в соборной церкви. Председательствовал Броньи, присутствовал император Сигизмунд. Огромная толпа народа была в соборе. По окончании литургии ввели Гуса и поставили на возвышение посреди храма. Гус упал на колени и молился. Епископ Любекский произнес краткую проповедь на ту тему, что Римский император должен искоренять всякую ересь. Прочли несколько пунктов из книг Виклефа и Гуса; затем стали читать протокол о процессе Гуса. При первом же искажении его слов Гус стал просить, чтобы ему позволили сказать несколько слов в оправдание.

– Молчи, ты нас оглушаешь! – закричал флорентийский кардинал и велел сторожам принудить Гуса молчать.

В одном месте протокола было сказано: “Гус учит, что божество имеет не три, а четыре лица, и что четвертое лицо – это он сам”. Гус с негодованием прервал чтеца: ему опять велели молчать. Однако Гус еще раза два сделал возражение и в последний раз торжественно заявил, что приехал сюда добровольно, пользуясь императорской охраной и с целью доказать свою невиновность и высказать публично свои убеждения. Некоторые историки утверждают, что, когда Гус говорил об императорской охране, Сигизмунд сильно покраснел. Это сомнительно: новейшие исследования этого вопроса показали, что император был неспособен даже краснеть...

Наконец началось чтение ужасного приговора. Гуса

провозгласили упорным еретиком.

– Никогда я не упорствовал в заблуждениях, – заметил Гус и, упав на колени, стал громко молиться “за неправедных судей и ложных свидетелей”.

Услышав это, некоторые прелаты засмеялись, другие кричали, чтобы Гус перестал. Когда Гус замолчал, наконец было прочитано, что он как упорный еретик приговорен к лишению священнического сана и к сожжению на костре. Все его книги должны быть сожжены, его память – проклята, а душа ввергнута в ад.

За чтением приговора тотчас последовало исполнение: Гуса взвели на подмостки и сначала надели ему полное священническое облачение, чтобы потом снять. Еще раз от него требовали отречения. Гус прослезился и, обращаясь к народу, сказал:

– Смотрите! Эти епископы увещевают меня отречься; но я боюсь сделать это, чтобы не стать лжецом перед Богом и перед своею совестью и чтобы не опозорить себя в глазах тех, кому я проповедовал, и перед другими верными проповедниками!

Тогда приступили к позорному обряду лишения сана. Гуса осыпали поруганиями, он отвечал на эту брань спокойно и с достоинством. Ему дали, например, в руки чашу, затем отняли, со словами: “О проклятый Иуда, оставивший совет мира и совещавшийся с иудеями, отдай нам чашу искупления”. Гус ответил: “Не от вас получил я благодать и не вы ее у меня отнимете”. Затем сорвали с Гуса облачение, испортили ему тонзуру и на голову надели бумажный колпак, вышиною в локоть, с рисунком, изображавшим чертей, тащивших его душу в ад. При этом говорили: “Поручаем твою душу дьяволу”. “А я, – сказал Гус, – поручаю свою душу Христу. Христос, – прибавил он, – носил еще более тяжелый терновый венец; я, бедный грешник, покорно снесу этот позорный, но более легкий венец”, – он указал при этом на колпак.

Лишив Гуса священнического сана, прелаты сделали свое дело и передали Гуса светской власти, то есть императору, причем лицемерно умыли руки, сказав: “Если император пожелает, он может не казнить Гуса, а заточить”. Но Сигизмунд тотчас передал Гуса пфальцграфу Людвигу, сказав: “Поступи с ним, как с еретиком”.

Людвиг, в свою очередь, призвал констанцского фохта Хагена и сказал уже вполне откровенно:

– Возьми его и сожги как еретика.

Отцы Констанцского собора преспокойно продолжали заседание и перешли к другим очередным делам.

Под прикрытием нескольких тысяч вооруженных людей Гуса повели через соборную площадь. На пути он увидел горящий костер: это жгли его книги. Гус улыбнулся и сказал окружающим:

– Не верьте, что я умираю за еретические учения. Меня обвинили враги и лжесвидетели.

Затем он стал молиться по-латыни.

Место казни находилось за городскими воротами, между садами, подле Рейна и недалеко от того самого замка Готтлибен, где был в заточении Гус и куда потом посадили папу Иоанна. Прибыв на место, Гус упал на колени и продолжал молиться. Когда палач велел ему взойти на костер, Гус выпрямился и сказал так громко, что его слышали даже в значительном отдалении:

– Иисусе Христе! Эту ужасную позорную смерть я терплю ради Евангелия и ради проповеди твоего слова; потерплю покорно и со смирением!

Палачи раздели Гуса и привязали ему руки назад к столбу; ноги Гуса стояли на скамье. Вокруг него положили дрова пополам с соломой. Костер достигал Гусу до подбородка. В последний раз имперский маршал фон Поппенгейм предложил Гусу спасти жизнь отречением от ереси.

– Нет, – сказал Гус, – я не знаю за собою вины.

Тогда палачи зажгли костер.

Гус запел гимн: “Христе, Сын Бога живого, помилуй меня”. Но пламя, раздуваемое ветром, поднялось высоко, и Гус вскоре умолк.

Пепел мученика был тщательно собран палачами и выброшен в Рейн, чтобы ничего не осталось от еретика.

Таковы исторические подробности смерти Гуса. Известно предание о старухе, подложившей полено дров под костер Гуса, причем Гус будто бы воскликнул: “O sancta simplicitas!” (святая простота). Эта подробность не подтверждается историческими исследованиями: она характеризует лишь позднейшие взгляды на личность Гуса.

Гус на костре (гравюра на дереве, 1563 г.).

Заключение

Учение Гуса и его историческая роль

Гус был сожжен не за ересь, а за свою устную и письменную проповедь, содержавшую резкую критику господствующей церковной системы. Необходимо поэтому сказать несколько слов об этой критике.

Нравственная сторона учения Христа и правильная организация церкви – таковы две основные идеи, вокруг которых вращаются все рассуждения Гуса. Для него главным чудом является само христианское учение о любви к ближнему. Веру во внешние чудеса, и особенно требование чудес, он считает доказательством маловерия. В деле церковной реформы Гус выступает не как решительный противник всякой организации, но как обличитель всех нехристианских действий духовенства. В вопросе об источнике христианской истины Гус не является рационалистом в новейшем смысле этого слова, то есть он не отвергает откровения; но Гус уже дает почетное место разуму и личному убеждению, утверждая, что разум и самостоятельное логическое мышление являются такими же источниками познания истины, как и откровение, и что само откровение может быть усвоено лишь при посредстве разума. Если Гус иногда утверждает, что Евангелие есть единственный источник истины, то этим он вовсе не ставит авторитет книги выше авторитета разума, так как проводит различие между самой истиной и средством ее познания; а таким средством является разум по отношению к евангельской истине, как всякой другой. Гуса поэтому нельзя упрекнуть в том, в чем упрекали Лютера, говоря, что этот последний создал нового “бумажного папу”, заменив авторитет папы авторитетом Библии. Стоит прочесть полемическое сочинение Гуса против Станислава, чтобы убедиться в том, что, по мнению Гуса, евангельская истина усваивается посредством разума и разумных доводов. Евангельский авторитет поэтому противопоставляется в сочинениях Гуса не внутреннему нравственному авторитету – с этим последним он, наоборот, постоянно совпадает, – а единственно внешнему авторитету церковной иерархии. Этот последний отвергается Гусом безусловно. По его мнению, суждения как отдельного иерарха, так и целой совокупности иерархии нисколько не более непогрешимы, чем суждения любого члена церкви. Ни один человек, будь то священник или мирянин, не обязан без разумных доводов, основанных на изучении писания, поверить на слово ни папской булле, ни даже

изречениям отцов церкви. Опровергать евангельской истины нельзя, так как божество не может заблуждаться; но даже целый собор иерархов может заблуждаться и, что еще того хуже, может силою заставлять других верить в свои заблуждения.

В тесной связи с этой критикой церковного авторитета находится и учение Гуса о самой церкви.

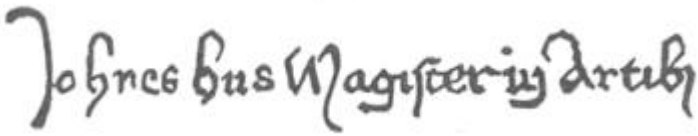
Исходя из известных слов одного из отцов церкви, Августина, что церковь есть совокупность “избранных”, Гус дает этому положению весьма своеобразное истолкование. У Августина избранные “предопределяются” фаталистическим образом; у Гуса это понятие играет совсем иную роль. По мнению Гуса, истинными членами церкви являются не люди, внешним образом к ней принадлежащие, но все праведники от самого сотворения мира. Одна внешняя принадлежность к христианской вере, хотя бы сопряженная с высоким духовным саном, не включает человека в число “избранных”. Люди, внешним образом числящиеся среди христиан, а на деле распутные или негодные, на самом деле члены “антихристовой церкви”. Папа, стремящийся стать на место Христа, есть не апостолический папа, а “наместник Иуды Искариота”. Если члены коллегии кардиналов живут не по-христиански, они хуже язычников, совершающих грехи по неведению.

Повиновение папской и вообще церковной власти должно быть условным. Если духовная власть идет против учения Христа, ей надо сопротивляться. Любой мирянин не только может, но должен проверять повеления духовной власти Писанием.

Если духовная власть оскверняет храмы и грабит народ, светские правители имеют полное право изгонять таких пастырей из храмов и даже конфисковать неправильно расточаемые церковные имущества.

Таковы главные положения, развитые Гусом в его сочинениях. Нечего и говорить, что это учение шло вразрез с духом и стремлениями католицизма и что оно было, в социальном отношении, более опасно для Рима, чем любая догматическая ересь. Но осудить Гуса за одно его учение о церкви было бы трудно, так как в этом случае пришлось бы открыто защищать злоупотребления. Вот почему враги Гуса избрали кратчайший и вернейший путь, приписывая ему такие догматические положения (например, об евхаристии), о которых он и не помышлял. Для Гуса вопрос о догме постоянно стоял на втором плане. Он являлся, прежде всего, реформатором в области чисто нравственной и именно поэтому был для господствующей церковной системы опаснее других, даже более смелых и резких реформаторов.

Гус погиб; но, по известному изречению, пламя от его костра охватило все чешские земли и потрясло основания самой Римской Империи. Гуситские войны, победы Жижки и других гуситских вождей были ответом палачам Гуса. Влияние Гуса на умственное развитие чешского народа сказывается до сих пор. В минуты великих национальных бедствий гуситский дух, живущий в чешских народных массах, не раз спасал их от материального и нравственного порабощения.



“Johannes Hus Magister in atribus”. Автограф Яна Гуса

Ян Жижка. По старинной гравюре

Источники

1. Палацкий. Documenta mag. lohannis Hus vitam etc. illustrantia. Pragae 1866.

2. Aeneas Sylvius Piccolomini. Historia Bohemiae.

3. Палацкий. Дейины народу ческего (на чешек, яз.).

4. Томек. Дейепись места Праги (на чешск. яз.).

5. Krummel. Geschichte der bohmischen Reformation. Gotha 1866.

6. Новиков. Православие у чехов. 1848.

7. Надлер. Причины оппозиции католицизму в Западной Европе.

8. Гильфердинг. Гус. (Русское чешское издание).

9. Berger. Johannes Huss.

10. Hofler. Magister Johannes Huss. Prag, 1864.

11. Bezold. Zur Geschichte des Hussitenthums.

12. Neander. Allgemeine Geschichte der Kirche.

13. Ern. Denis. Huss et la guerre des hussites. 1878.

14. Zechler. Johannes Huss, Halle, 1890.

Кроме того, есть множество статей о Гусе в чешских периодических изданиях. Из статей русских авторов можно указать статью А. В. Васильева в журнале “Век” и И. С. Пальмова в “Славянских известиях”, а также брошюру И. С. Пальмова о сношениях гуситов с восточной церковью.

Весьма важные биографические данные находятся в собственных сочинениях Гуса как латинских, так и чешских.

При транскрипции чешских собственных имен я придерживался, по возможности, чешского произношения, которое значительно отличается от русского отсутствием твердых звуков л и ы (чешское ы сходно с малорусским и), присутствием долгих гласных – особенность, сближающая чешскую фонетику с латинской, ударением (всегда на первом слоге) и присутствием шипящих – твердого и мягкого рж, в котором р слышится сильнее, чем у поляков.

notes

Примечания

Впоследствии, под влиянием критики известного историка Неандера, Палацкий отказался от этого взгляда. Последними защитниками английского происхождения учения Гуса являются Лехлер и Берингер; Томск и Круммель гораздо объективнее, а Эрнест Дени даже слишком занижает влияние Виклифа на Гуса

2

Спорный вопрос о степени влияния Виклифа на Гуса слишком специален, чтобы обсуждать его здесь подробно. Наше собственное мнение по этому вопросу, состоящее в том, что философия Виклифа много помогла развитию идей Гуса, но что Гус далеко не во всем следовал учению английского богослова – это мнение основано на показаниях самого Гуса на Констанцском соборе. Гус показал, между прочим, что с учением (богословским) Виклифа он ознакомился не раньше 1403 года, тогда как его философские трактаты читал еще около 1396 года

3

Любопытно, что и теперь в Праге городские власти враждуют с памятью Гуса. Когда депутаты младочешской партии возбудили вопрос о постановке Гусу в Праге достойного памятника, против этого восстали, кроме непосредственных приверженцев австрийского правительства, также представители городского управления с бургомистром во главе